

ФЕДЕРИКО ФЕЛЛИНИ, ПУЛЛИО ПИНЕЛЛИ

ДОРОГА

Дзампано платит матери Джельсомины десять тысяч лир и ночью увозит девушку с собой. Джельсомина — не совсем нормальна.

День.

В глубине заросшего травой пустыря, примыкающего к бесконечной прибрежной полосе, окаймленной белой морской пеной, виднеется женская фигурка с какой-то ношей. Фигурка пробирается сквозь невысокие заросли.

Детские голоса громко зовут:

— Джельсомина!.. Джельсомина!..

Две девочки лет шести-семи, босые, в отрепьях, бегут к девушке, идущей из глубины, продолжая звать ее:

— Джельсомина!.. Джельсомина!..

Приближающаяся девушка тоже босая, в лохмотьях.

На ее подвижном лице странное выражение: не то серьезное, не то рассеянное.

Под мышкой она держит несколько поленьев.

Крики детей не заставляют ее пойти быстрее. Кажется, что она не обращает на них внимания.

Обе девочки подбегают к ней вплотную. Едва переводя дух, они говорят в сильном возбуждении:

— Мама сказала, чтобы ты шла скорей... Приехал какой-то дядя... Она велела, чтобы ты шла скорей...

Джельсомина сначала равнодушно слушает... Внезапно заинтересовавшись, спрашивает:

— Кто такой?..

Младшая девочка. Дядя толстый... у него мотоцикл...

Старшая девочка. Говорит, что это он увез Розу... Говорит, что Роза умерла.

Джельсомина бежит к дому.

Джельсомина вместе с сестренками подбегает к своему жилищу. Это лачуга, сколоченная из досок. Она стоит в ряду таких же лачуг, над дюной, протянувшейся вдоль длинного полупустынного побережья.

Перед лачугой, под своеобразным навесом из консервных банок стоят: мать Джельсомины, плотный грузный мужчина высокого роста в кожаной куртке и остальные сестренки — четыре девочки в возрасте от пяти до двенадцати лет.

Мать, маленькая худенькая женщина, измученная нуждой и разбитая усталостью, трогательно жалка. Увидев Джельсомину, подзывает ее:

— Джельсомина!

Обернувшись к мужчине — Дзампано, — показывает на девушку, как бы представляя дочь:

— Вот она...

Джельсомина поднимается по трем ступенькам дощатой лестницы и, слегка запыхавшись, останавливается, разглядывая Дзампано. Мать обращается к ней:

— Ты помнишь Дзампано, который увез Розу?.. (Заплакав.) Бедная моя дочка!.. и никогда-то я не увижу даже твоей могилки!.. (Снова к Джельсомине). Она умерла...

Плача, мать обнимает и целует Джельсомину. С неподдельной безутешной горечью и каким-то покорным безразличием повторяет:

— Бедная Роза, бедная твоя сестричка!

Выпустив из объятий девушку, поворачивается к Дзампано и указывает на девочку, подошедшую вместе с Джельсоминой.

Мать. Гляньте-ка, Дзампано, до чего вот эта похожа на Розу!.. Вот эта!.. Будь она хоть немного постарше — подошла бы вам лучше Розы!.. Умная, красивенькая... (Снова всхлипывая.) Ну, а что за красавица была наша Роза!.. Молодчина... всегда устраивалась... (К Джельсомине, все еще всхлипывая.) Заболела... Лихорадка... Умерла!.. (Затем неожиданно к Дзампано, показывая на Джельсомину.) Я вас предупреждала, эта — не то, что Роза. Делать-то она сделает все, что ни скажешь, такая покорная... И потом, ей надо поправиться. Поправится немножко... глядишь — и с головой дело пойдет на лад.

В порыве искренней горькой тоски, все так же неумело, она снова принимается обнимать и целовать Джельсомину.

— Вот и не стало второй моей дочки... Лишилась и другого дитятка... (Затем, неожиданно, напрямик.) Джельсомина! Хочешь поехать с Дзампано? Вместо Розы... Он будет работать, обучит тебя делу, глядишь — и ты что-нибудь заработаешь...

Джельсомина, взволнованная и ошеломленная, с глазами, полными слез, слушает рассказ матери о смерти сестры.

Услышав вопрос, она слегка вздрагивает, поднимает глаза на мать, затем переводит их на Дзампано.

Мать продолжает:

— Он добрый, знаешь... Тебя не обидит... Поездишь по белу свету, будешь петь, играть... Он дал деньги вперед... десять тысяч лир... Будто ты их уже заработала. На эти деньги мы починим крышу... и ребятам будет что есть...

Джельсомина по-прежнему молчит. Она совершенно потрясена. Выждав, мать продолжает еще жалобнее:

— Ты уже большая, а работать — никогда не работала. Конечно, вина не твоя, ты не такая, как другие дети... Если бы твой отец был еще жив... Ты ведь знаешь, как мы перебиваемся. Неужели ты не хочешь немножко помочь матери?

Наступает пауза. Дзампано и Джельсомина молча смотрят друг на друга.

Потом Джельсомина, насупившись, опускает глаза. Она унижена: ей стыдно за себя...

Мать, смягчая тон, добавляет:

— Можешь попробовать... (К Дзампано.) Попробуйте и вы, сумеет ли она научиться...

Дзампано с деланным добродушием, в примирительном тоне говорит:

— Да я обучу хоть собаку!

Вытаскивает кошелек и, важно протягивая деньги одной из девочек, говорит в расчете на эффект:

— Ну-ка, живо... Ступай, купи вина. Да еще сыру и колбасы... Дзампано угощает.

Джельсомина, которая до сих пор молча, потрясенная, стояла опустив глаза, теперь поворачивается и, не говоря ни слова, направляется к берегу.

Встревоженная мать жалобно зовет ее:

— Джельсомина!

Джельсомина не отвечает. Спустившись с лестницы, она медленно идет к морю. Там опускается на корточки и так сидит, не отрывая глаз от волн. Снова слышится голос матери, зовущей ее:

— Джельсомина!..

Джельсомина не подает даже виду, что слышит. Плаксивое, полное тоски выражение сменяется на ее подвижном лице детской улыбкой; потом оно снова становится мрачным.

Ночь. Безлюдный берег. Длинный ряд темных лачуг. И лишь в одном окне мерцает свет. Это хибарка Джельсомины. Отсюда несетя нестройный хор голоса.

В убогой лачуге — Дзампано, Джельсомина, мать и несколько сестер хором поют. На столе — остатки «обеда»: оплетенная соломой бутылка из-под вина, несколько кусков хлеба, корки сыра... Женщины возбуждены: на них подействовало вино и события дня.

Хор поющих голосов.

Джельсомина засунула в нос пробку, намазала лицо сажей и, насколько позволяет теснота каморки, распевая, представляет какие-то жалкие шутовские сценки.

Дзампано не пьян, он даже не захмелел.

Не переставая петь, он извлекает из жилетного кармана металлические часы. Смотрит время. Поднимается. Идет к двери. Открывает ее и выглядывает на улицу... Поворачивается спиной к двери, несколько мгновений, подбоченясь, с интересом наблюдает за комическими ужимками Джельсомины, потом, когда она проходит мимо него, хлопает ее по плечу.

Дзампано. Эй!.. Пора!..

Показывает рукой на дверь.

Постепенно пение стихает. Первой перестает петь Джельсомина, потом мать. Дети, которые ничего не понимают, поют еще некоторое время.

Дзампано спокойно достает кожаную куртку; надевает берет.

Джельсомина неожиданно нарушает тишину, нависшую над убогой хижинкой: встав в позу, точно готовясь пуститься в пляс, она снова запекает. Будто инстинктивно, по-своему защищается от страха.

Мать, которая, по-видимому, только что готова была заплакать, раздражается смехом... Заставив себя встать, она подходит к Джельсоmine, вытаскивает у нее из носа пробку, принимается обтирать ей лицо влажным полотенцем.

Мать. Пстой!.. Пстой!..

Дзампано, проходя мимо, хлопает Джельсомину по плечу и выходит. Перепугавшись, мать кричит ему вдогонку:

— Погодите! Она сейчас.

Ночь. Выходит Дзампано. Останавливается у двери лачуги. Перед ним — прямая, унылая, безлюдная сейчас дорога, протянувшаяся вдоль побережья...

Ветер раскачивает редкие фонари. Они бросают тусклый свет на дорогу.

Поодаль стоит мотоцикл с прицепом. Театральный занавес, которым обтянут прицеп, придает ему вид лачуги на колесах. Дзампано направляется к мотоциклу. Громко кричит в сторону хижины:

— Поживее, ведь ехать придется всю ночь напролет...

В двери показывается мать. Еще более жалобно и боязливо говорит:

— Она сейчас!.. Погодите, Дзампано!..

Дзампано, не оборачиваясь, отвечает:

— Скоро приедем повидаться.
У матери вырывается что-то похожее на стон. Взмолвленная, она молча оборачивается, чтобы взглянуть на Джельсомину, остановившуюся рядом с ней на пороге.

Джельсомина (почти весело). Ветер!..

Говорит она и застегивает накидку у самой шеи.

Несколько мгновений мать и дочь молчат.

Едва различимая в темноте женщина, которая стоит перед соседней лачугой рядом с мужчиной, спрашивает:

— Уходишь, Джельсомина?..

Джельсомина (храбрясь). Ухожу... Уезжаю.

Мужчина задает новый вопрос:

— Куда же ты направляешься?

Джельсомина, бессознательно чему-то радуясь, отвечает:

— Далеко уезжаю... Работать. Он обучит меня делу, и я пришлоу до- мой денег... Он работает на площадях... выступает... Уезжаю... Я тоже бу- ду выступать... петь... играть... работать, как Роза...

Внезапно умолкает, словно имя Розы вернуло ее к действительности; мрачнеет.

Женщина. Когда же ты вернешься?..

Растерявшись, Джельсомина отвечает не сразу. Внезапно испугав- шись, оборачивается и смотреть на мать.

Джельсомина (растерянно). Когда я вернусь?..

Несколько мгновений молчит, потом вдруг срывается с места и, слов- но спасаясь от страха и слез, бежит к мотоциклу.

Жалобно, голосом полным тоски, зовет ее мать:

— погоди! Доченька, погоди.

Догоняет остановившуюся у фургона Джельсомину, плача и причи- тая, бурно обнимает ее, прижимает к себе.

— Не бросай меня!.. Родимая моя!.. Доченька... Я тебя не хочу гнать из дому!.. Зачем только умер твой отец!.. (К Дзампано.) Уже увозите ее?.. Ночью, в холод?.. (К Джельсоmine.) Укутайся, доченька, холодно. Куда ты девала платок?.. А где твои вещи?

Повернувшись к одной из девушек, она подталкивает ее по направ- лению к лачуге:

— Живо... сбегай за вещами.

Девочка бежит. Не говоря ни слова, Дзампано достает из фургона шерстяное одеяло и кричит вдогонку девочке:

— Ладно уж!.. Очень-то нужны мне ваши тряпки... (С добродушной миной, жестом фокусника, кидает Джельсоmine одеяло.) Получай!.. У Дзам- пано найдется все, что надо... У Дзампано хватит одежды хоть на четы- рех женщин!.. А ну, поехали... Залезай!

Джельсомина испуганно смотрит по очереди то на мать, то на Дзам-

пано, то на сестер; потом молча, обливаясь слезами, обнимает детей, каждого целует.

Дзампано хватает узелок Джельсомины, принесенный девочкой, и бросает его в фургон, потом важно направляется к мотоциклу и торжественно провозглашает:

— Ну!.. В дорогу!

Его тон и слова как будто подхлестнули Джельсомину. Она снова принимает шутовскую позу и, стукнув пятками, отдав по-военному честь, бежит к фургону.

Дзампано уже уселся на мотоцикл и с шумом заводит мотор.

Дети. Прощай, Джельсомина!.. Прощай, Джельсомина!.. Прощай, Джельсомина!..

Мать снова запричитала:

— Доченька, не уезжай!..

Джельсомина, уже забравшаяся в фургон, задерживается у его края, неуклюже отдает честь и кричит:

— В дорогу!..

Но в этот момент Дзампано рывком трогает машину с места, и Джельсомина скатывается в глубь фургона. Мотоцикл разворачивается, проезжает мимо матери и детей, которые кричат на прощанье:

— Джельсомина!.. Прощай, Джельсомина!..

Проезжая мимо них, Дзампано важно машет рукой.

Дзампано. Пока!.. До скорой встречи!..

На большой скорости машина удаляется по безлюдной дороге.

Подскакивая от толчков, с трудом стараясь сохранять равновесие, Джельсомина усаживается. Потом приподнимается, растерянно осматривается: видно, что она еще не полностью осознала происшедшее.

В фургоне темно. Хлопает, щелкает парусина. Впереди ей ничего не видно, кроме спины Дзампано. Джельсомина переводит взгляд на незатянутый тентом вход в фургон, всматриваясь в вереницу исчезающих в темноте хижин, в убегающую вдаль безлюдную дорогу...

Длинные волосы Дзампано развеваются на ветру. Он гонит мотоцикл с головокружительной быстротой... и вдруг запекает. Сильным голосом, но фальшивя, поет он разудалую песню.

2

Пробуждение Джельсомины. Работа Дзампано. Дзампано — «учитель» Джельсомины. Наступление ночи. Джельсомина становится женой Дзампано.

Начинает светать. Мотоцикл Дзампано подъезжает к небольшому кафе для шоферов и останавливается рядом с маленьким фонтанчиком. Два или три грузовика стоят перед кафе, двери которого чуть приоткрыты.

Дзампано важно слезает с мотоцикла. Медленно разматывает большой шерстяной шарф, закрывавший его шею до самого носа. Подходит к фонтанчику, наклоняется. Сначала пьет, потом, громко фыркая, моет лицо. Выпрямляется, вытирается носовым платком. Кажется, будто он позабыл о Джельсоmine.

Смотрит на кафе; делает шаг к двери, но, вспомнив о Джельсоmine, подходит к прицепу и заглядывает внутрь.

Наполовину зарывшись в тряпье, взлохмаченная как кошка, Джельсомина смотрит на Дзампано, приподняв стяжелевшие от сна веки.

Несколько мгновений Дзампано молчит и пристально смотрит на девушку. Потом отрывисто говорит:

— А ну, вставай!

Джельсомина высовывается из фургона, осматривается. Опыянение прошло, а вместе с опыянением прошла и радость. Осталось лишь смутное представление о том, что что-то произошло...

Она растерянна, испугана.

Дзампано окликает ее:

— Эй, проснись!.. Да проснешься ли ты?..

Схватив ее за руку, стаскивает на землю, подталкивает к фонтанчику, — проделывает все это он грубовато, но по-своему добродушно, лишь немного нетерпеливо:

— Умой лицо, тебе это будет полезно!

Отупевшая Джельсомина, пошатываясь, наклоняется к фонтанчику, а Дзампано сует под струю воды ее голову и силой удерживает в этом положении, хотя Джельсомина отбивается и, едва не захлебнувшись, размывает руками.

Но Дзампано лишь смеется:

— Проснись!.. По крайней мере так скорее проснешься!..

Наконец отпускает ее. С Джельсомины стекает вода, она пыхтит, кашляет. Дзампано, бросив шарф в фургон, знаком приглашает ее следовать за ним в кафе:

— Ну, пошли.

Джельсомина поспешно вытирается и, пошатываясь, все так же тупо, механически, идет за ним.

Дзампано входит к кафе. Джельсомина дичится. Подобно бездомной собаке, она боязливо остается у порога.

Дзампано, теряя терпение, зовет ее из кафе:

— Иди же, пошевеливайся!
Джельсомина входит.

На улице уже совсем светло, а внутри небольшого кафе еще царит полумрак.

У стойки несколько шоферов и рабочих. Какой-то мужчина, положив голову на руки, спит за одним из столиков.

Дзампано обращается к заспанной девушке, обслуживающей посетителей. Присущим ему заученным тоном, с наигранной важностью и псканым добродушием, он заказывает:

— Два кофе. И виноградной водки.

Садится, оглядываясь вокруг, не обращая никакого внимания на Джельсомину.

Джельсомина совершенно растерялась. Она с испугом смотрит на Дзампано, оглядывает необычную для нее обстановку. На мгновение ее глаза случайно встречаются с глазами Дзампано, и она потихоньку спрашивает:

— Где это мы?

Дзампано занят чашками, которые официантка поставила перед ним. Он берет одну из них, подбородком указывая Джельсомине на другую, и бросает:

— Пей.

Глядя в пространство, прихлебывает кофе. Джельсомина все еще не осмеливается взять чашку. Наконец набирается духу и молча начинает пить свой кофе.

Выпив кофе, Дзампано подходит к кассе, расплачивается, вразвалку направляется к выходу и, почти не оборачиваясь, рукой подает знак Джельсомине.

Дзампано. Давай.

Джельсомина торопливо ставит чашку и идет следом за ним. Дзампано выходит.

Из кафе выходит Дзампано, следом за ним Джельсомина. Направляясь к машине, он что-то ищет глазами.

Останавливается возле шофера, спрашивает:

— Бензocolонка далеко?

Шофер. Выше. Метрах в ста.

Дзампано жестом благодарит. Идет к машине. Джельсомина бредет за ним. Останавливается на некотором расстоянии. Словно поджидая, Дзампано оборачивается к ней. Но Джельсомина не двигается; она встревожена, хочет что-то сказать... не смеет... Наконец решается.

Джельсомина. Я, пожалуй, вернусь.

Дзампано смотрит на нее, не говоря ни слова.

Джельсомина. Не беспокойтесь. Я пешком дойду назад.

В душе Дзампано поднимается ярость, но внешне он еще сохраняет добродушный вид. Хлопает себя рукой по лбу, словно давая понять, что Джельсомина не в своем уме.

Дзампано. Эй! (Потом решительно и сурово.) Ну-ка, пошевеливайся.

Но так как Джельсомина не двигается с места, Дзампано делает шаг в ее сторону, дважды шлепает ее по заду и говорит повелительно, но тоном человека, не придающего значения этому инциденту:

— Пошевеливайся!..

Он подталкивает ее к фургону, берет за руль мотоцикла. Не опускаясь на седло, оборачивается к Джельсомине и отрывисто говорит:

— Подтолкни. Заглох. (Потом более резко.) Толкай, толкай!..

Джельсомина не смеет послушаться. Упираясь ногами в землю, она толкает руками кузов мотоцикла.

Машина трогается. Дзампано и Джельсомина идут, подталкивая ее.

Уже совсем светло, когда фургон останавливается на углу небольшой деревенской площади.

...Окруженный зрителями, Дзампано дает представление. Джельсомина, наполовину укрывшись за фургоном, смотрит на него, не пропуская ни одного жеста, ни единого слова.

Крупно: Дзампано, одетый для выступления. На нем короткие штаны, резиновые сапоги, на запястьях кожаные напульсники. Железная цепь дважды опоясывает его обнаженную грудь. Посередине она застегнута на крючок. Дзампано заканчивает вступительную речь фокусника, которую обычно произносит перед своим выступлением:

— ...Когда легкие расширены, словно насосом надуты, то достаточно лопнуть даже мельчайшему сосуду, чтобы началось кровоизлияние. В Милане атлет Этторе Монтанья, весивший сто восемнадцать килограммов, при подобной работе потерял зрение, потому что от такого напряжения у него пострадал зрительный нерв... А зрение, если его хоть раз потеряешь, уже не восстанавливается... Там, где сейчас цепь стянута, вы увидите шрамы величиной с палец, если только кровь не хлынет вам в лицо.

Говоря все это, Дзампано растягивается на грязной циновке, положенной на землю, и начинает с усилием надувать грудь. Тяжело дышит, обливаясь потом, извиваясь в пыли. Наконец крючок разламывается.

Запыхавшийся, потный, Дзампано встает на ноги и под жидкие аплодисменты зрителей высоко поднимает разорванную цепь. На Джельсомину это произвело большое впечатление. Она в восторге от увиденного зрелища.

Ясный день. Лужайка.

Фургон Дзампано останавливается возле низкой каменной ограды на окраине небольшой деревни.

Дзампано и Джельсомина расположились здесь лагерем. Между двумя камнями разложен костер, над огнем висит помятая кастрюля.

Оба сидят на земле у стены. Дзампано доедает свою похлебку. Джельсомина только притворяется, что ест. С опаской она поглядывает на Дзампано. Дзампано съедает все до последней капли, подскребывает со дна кастрюли. Покончив с едой, он молча встает, идет к фургону, ставит туда кастрюлю, а оттуда вынимает рваный котелок, сплющенный цилиндр и шинель. Повернувшись к Джельсоmine, которая успела украдкой выплеснуть на землю содержимое своей кастрюльки, и смерив ее взглядом, спрашивает:

— У вас дома что, никогда не варили похлебки?..

Джельсомина чистосердечно признается:

— Нет...

Дзампано (спокойно, без злобы). Ну и помои...

Швыряет ей шинель и добавляет тем же тоном:

— Надевай.

Джельсомина торопливо повинуется. Она натягивает шинель, которая доходит ей до пят, надевает мятый котелок, в котором до самого носа тонет ее голова.

В настороженной, выжидательной позе, готовая повиноваться, она старается предугадать желание Дзампано, а тот с серьезнейшим видом молча наблюдает за ней.

Дзампано. Скажи: «Прибыл Дзампано!»

Джельсомина (негромко). Прибыл Дзампано!..

Пауза... Без всяких объяснений Дзампано снимает у нее с головы котелок и заменяет его сплюснутым цилиндром. Критически осматривает ее, потом негромко говорит больше для себя, чем для нее:

— Роза была покрупнее.

Он отводит взгляд от Джельсомины... Поворачивается к груде одежды и музыкальных инструментов, брошенной на землю рядом с мотоциклом. Воспользовавшись тем, что на нее не смотрят, словно опьянев от своего нового наряда, Джельсомина неожиданно начинает гримасничать и забавно подпрыгивать, безудержно, по-детски веселиться. Заметив, что она выделяет, Дзампано оборачивается, удивленно, с инстинктивной неприязнью на нее смотрит.

Джельсомина сразу перестает гримасничать и вновь неподвижно замирает. Дзампано не делает ей замечаний. Он снова глядит на груду тряпья и инструментов, с напускной важностью цедит:

— У меня хватит одежды хоть на целую дюжину женщин. Тут и обувь и платье; оденься как полагается. Все это предназначается для работы, но я не желаю, чтобы человек даже и разъезжал со мной в лохмотьях.

Усаживается прямо на землю рядом с инструментами и жестом приглашает Джельсомину подойти поближе.

Джельсомина покорно идет к нему. Солидно, как и подобает «учителю», Дзампано берет один инструмент за другим и сообщает их названия:

— Барабан. Гармоника. Труба.

Трубу он подносит к губам и хвастливо извлекает из нее несколько звуков, считая их очень музыкальными. Он чрезвычайно доволен собой, но притворяется равнодушным... Не успевает отложить трубу, как Джельсомина возбужденно хватает ее, подносит к губам и дует в нее с бессознательным воодушевлением.

Раздается несколько режущих слух, фальшивых звуков.

Все так же невозмутимо Дзампано отбирает у нее инструмент и холодно, со скрытой угрозой в голосе предупреждает:

— Делай всегда только то, что я прикажу тебе.

Поднимает барабан, берет палочки и выбивает четкую дробь. Свои руки он подносит к самым глазам Джельсомины, чтобы ей лучше было видно, как надо держать палочки. Объясняет:

— Вот так...

Вкладывает палочки в руки Джельсомины и говорит:

— Бей, как я делал сейчас.

Изо всех сил стараясь подражать Дзампано, берет палочки.

Дзампано продолжает:

— Когда мы приезжаем давать представление, ты должна бить в барабан и объявлять: «Прибыл Дзампано!..»

Джельсомина (старательно, негромко). Прибыл Дзампано!..

Дзампано. Бей в барабан.

Джельсомина невпопад ударяет по барабану, негромко повторяя:

— Прибыл Дзампано!..

Дзампано (кричит во весь голос). Прибыл Дзампано!..

Джельсомина (кричит). Прибыл Дзампано!..

Потом в замешательстве замолкает. Она не знает, что ей делать дальше. Внимательно следит за лицом Дзампано, держа палочки в воздухе.

Не спеша, Дзампано стбирает у нее палочки и со спокойствием и терпением укротителя снова вкладывает их в ее руки, но уже как положено.

Дзампано. Бей так, как я.

Джельсомина бьет в барабан снова невпопад. Неожиданно Дзампано, все так же равнодушно, резко хлещет ее прутом по ногам.

Джельсомина издает приглушенный стон: она ошеломлена.

Дзампано (с ледяным спокойствием). Ты должна сказать: «Прибыл Дзампано!»

И, показав на палочку, упавшую на землю, говорит строго, но терпеливо:

— Давай...

Джельсомина поднимает палочку. Она в полном замешательстве. Как испуганная собачонка, смотрит на Дзампано. Усердно бьет в барабан и кричит что есть мочи:

— Прибыл...

Но не успевает кончить, как Дзампано стегает ее вторично.

— Ой!..

С невозмутимым спокойствием Дзампано снова отбирает у нее палочки и, все так же терпеливо показывая, как их надо держать, подает ей знак повторить все сначала.

Дзампано. Вот так. Ну-ка!

Джельсомина испугана, растерянна. На глазах у нее слезы. Она берет палочки, готовясь попробовать еще раз.

Но громкий добродушный смех Дзампано останавливает ее.

Дзампано (смеясь). Господи, ну и потешная же ты была только что!

Смеясь, как бы дружески хлопает ее по плечу и без всякого перехода, ледяным, угрожающим тоном приказывает:

— Ну-ка. Бей, как я.

С опаской, каждое мгновение ожидая нового удара, Джельсомина бьет по барабану...

Наступила ночь. Самодельный каменный очаг еще теплится.

Дзампано и Джельсомина покончили с едой. Джельсомина сидит на земле, одна, уже без шинели. Она настороженно сжалась в комочек, так как ощущает на себе красноречивый взгляд Дзампано, который расположился в фургоне и, высунув оттуда голову, пристально смотрит на нее, не говоря ни слова.

Молчание длится несколько мгновений. Наконец Дзампано, не привыкший к ухаживаниям, изображает нечто вроде улыбки и зовет ее тихим, хрипловатым голосом:

— Эй, блондинка.

Джельсомина не двигается, не отвечает; только искоса иногда поглядывает на него.

Дзампано снова зовет ее:

— Ну-ка, забирайся сюда.

Джельсомина машинально встает. Не решаясь послушаться, делает несколько шагов к машине... Останавливается.

— А как тебя, собственно, зовут?..

Джельсомина. Джельсомина.

Дзампано. Забирайся-ка сюда.

Джельсомина подходит еще ближе; затем, очутившись рядом с фургоном, останавливается и, с инстинктивным жестом самозащиты, еле слышно бормочет:

— Я лягу здесь...

Дзампано, не отвечая, вылезает из фургона. Джельсомина порывисто отступает, словно с трудом сдерживаясь, чтобы не убежать.

Джельсомина. Завтра...

Дзампано смеется; он думает, что это игра. Берет ее за талию.

Дзампано. Забирайся сюда...

Девушка пытается сопротивляться, но внезапно уступает, словно поняв, что ничего не поделаешь. Дзампано подхватывает ее сзади, приподнимает, приговаривая:

— Так...

Подталкиваемая Дзампано, Джельсомина очутилась в фургоне и сразу же улеглась на тряпье. Свернувшись в комочек, она забивается в угол и так прижимается к стенке, что ее почти не видно.

При свете, проникающем в фургон, выделяется крупная фигура Дзампано, который тоже забрался сюда.

Глубоко дыша, крепко спит на тряпье Дзампано.

Рядом с ним свернулась клубком Джельсомина. Глаза ее полны слез, на лице растерянность.

Она медленно приводит себя в порядок. Приподнимается на локте. Смотрит на спящего Дзампано. Рассматривает его с испугом и любопытством. Мало-помалу на лице у нее появляется почти материнское выражение. Потихоньку подтягивает одеяло и укрывает его...

3

Дебют Джельсомины. Дзампано угощает ее обедом в настоящем ресторане, а затем уезжает с другой женщиной. Одиночество Джельсомины, прождавшей его всю ночь и весь день.

Дзампано, обнаженный до пояса, в костюме для выступлений, с цепью вокруг груди, катается по грязному и пыльному коврику.

Вокруг зрители.

Барабанная дробь... Он покрывается потом, тяжело дышит. У Джельсомины лицо вымазано белилами, глаза подведены сажей, кончик носа покрашен чем-то красным. Она стоит возле фургона, молча бьет в барабан, не спуская глаз с Дзампано. На ней сплюснутый цилиндр, шинель, на шее висит барабан.

На сельской площади, как и всегда в базарные дни, царит оживление, шум, кричат бродячие торговцы, слышатся громкие разговоры и т. д.

Дзампано готовится к последнему рывку. Лежа на земле, он пристально смотрит на Джельсомину.

Джельсомина тоже смотрит ему в глаза.

Надув грудную клетку, Дзампано разрывает цепь.

Джельсомина опускает глаза на барабан и нерешительно, как бы стесняясь, бьет по нему палочками.

Короткая трель барабана.

Дзампано поднимается с земли. Потный, весь в пыли, он отбрасывает в сторону цепь и на глазах у публики начинает обряжаться в клоунский наряд. Ни на кого не глядя, натягивает разодранные штаны, вывернутый наизнанку пиджак и с напускной важностью начинает:

— А теперь мы покажем следующую номер с участием нашей новой актрисы... Ведь есть и нам хочется... А потом приступим к сбору благодарений...

Джельсомина, понимая, что настала ее очередь, заметно встревожена и испугана. Она сняла с себя барабан... Как послушная собачонка, стоит, не спуская глаз с Дзампано.

А тот, не меняя тона, без всякого перехода, поворачивается к ней и продолжает громко кричать:

— Здравствуйте, «сиронина»¹ Джельсомина... Извините, что я к вам обратился, не боитесь ли вы моего «руньеца»?²

Вместо ответа Джельсомина молчит, не двигаясь с места и оглядываясь вокруг себя. Дзампано немного ждет, затем кричит еще громче и с угрожающим видом приближается к Джельсомине. Та быстрым движением хватает обмотанную тряпкой палку и стоит начеку, не шевелясь.

Дзампано. Ну, если вы не боитесь «вынстрелов», то я беру свое «руньецо» — и айда на охоту.

Еще мгновение Джельсомина не шевелится, потом хлопает Дзампано по голове тряпичной палкой и кричит громко, что есть духу:

— Говорят не «руньецо», а ружьецо, простофиля ты этакий!

Дзампано неуклюже шатается от удара. Освоившись и повеселев, Джельсомина осматривается, словно желая определить, какое впечатление произвел ее удар.

Дзампано (орет все в том же тоне). Ну, и «силища» же у вас, сиронина Джельсомина (в публику, не меняя тона), а по вашему носу видно, что вы прикладываетесь к бутылочке.

Берет несоразмерно большое ружье.

Дзампано. А теперь, раз перепелок не видать, приманите-ка дичь. Пусть уважаемая публика услышит, как вы кличете дичь.

¹ «Сиронина» — исковерканное «синьорина» (прим. перев.).

² «Руньецо» — исковерканное «ружьецо» (прим. перев.).

Джельсомина, очень возбужденная, чуть-чуть наклоняется вперед, раздвигает полы шинели и свистит.

Зрители смеются.

Дзампано (продолжая орать). Молодец, сиронина Джельсомина!.. Вы чирикаете совсем как птица, так что я по ошибке стреляю в вас.

При этих словах Дзампано направляет ружье на Джельсомину. Та невольно отпрянула в испуге, потом, продолжая разыгрывать роль, насвистывая и размахивая лапами, бежит вприпрыжку по кругу.

Дзампано медленно кружится на одном месте, не переставая целиться в нее.

Дзампано. Да как же мне стрелять в вас, если вы не стоите на месте?..

Джельсомина входит все в больший азарт, но ее страшит ожидаемый неизбежный выстрел. Наконец она останавливается, затыкает уши и бросается на землю еще прежде, чем Дзампано успеет выстрелить.

Дзампано нажимает курок, раздается громкий выстрел, поднимается туча порохового дыма. Отдача так сильна, что Дзампано падает.

Смех публики.

Джельсомина, лежа в пыли, медленно приоткрывает глаза, смотрит на смеющихся людей и сама начинает смеяться.

Голос Дзампано. А теперь моя жена обойдет всех с шапкой. Кто сколько сможет. Просим почтенную публику не скупиться...

Джельсомина торопливо поднимается, берет картонную крышку и ретиво, полная надежды, начинает обходить публику. Зрители встречают ее смехом; звенят монеты.

Джельсомина. Спасибо!.. Спасибо!.. Спасибо!..

День. Базарная площадь в деревне.

Деревенский ресторан.

В ресторанчик набились бродячие торговцы, крестьяне, торговцы скотом.

Открывается дверь. Появляется Дзампано. Останавливается на пороге. С подчеркнутой самоуверенностью Дзампано осматривается и, слегка обернувшись, манит кого-то с улицы, затем проходит в глубь зала. Следом за ним входит Джельсомина. Она заметно взволнована и смущена. Впервые в жизни она попала в ресторан! Проходя мимо знакомых, Дзампано дружелюбно, почти торжественно машет им рукой в знак приветствия. Тот факт, что его знают, что с ним здороваются, для него имеет большое значение.

Дзампано. Здорово! Здорово, Медини!.. Медини обедает в глубине зала за столиком, возле которого остановился Дзампано. Они обмениваются приветствиями.

Медини. Здорово, Дзампано.
Дзампано с шутливым и покровительственным добродушием хлопает его по плечу.

Дзампано. Как живешь, цыган?.. Как жена?
И раз уж тут рядом с ним оказалась Джельсомина, он снисходительно, с явным чувством превосходства, представляет ее:

— Познакомься, — моя жена.

Медини обтирает рот салфеткой и, не вставая, протягивает руку Джельсомине.

Медини. Очень приятно.

Джельсомина. Джельсомина ди Констанцо... Очень приятно.

Медини, показывая на свой обед, соблюдая общепринятую формулу вежливости, предлагает:

— Угощайтесь...

Продолжает есть.

Отвечая на приглашение, Дзампано подталкивает Джельсомину к ближайшему свободному столику.

— Спасибо.

Потом предлагает Джельсомине:

— Садись.

Джельсомина торопливо садится. Дзампано усаживается напротив и с важным видом осматривается.

Внимание Джельсомины привлекла скатерть, которой накрыт стол. Дзампано стучит по столу и громко зовет:

— Официант!..

Джельсомина, готовая услужить, в порыве усердия вскакивает с места:

— Сходить?..

Дзампано одергивает ее:

— Сиди.

Снова стучит по столу и кричит:

— Официант!..

Вспотевший, с засученными рукавами человек вырастает рядом со столом. Он броском ставит две тарелки и кладет приборы для Джельсомины и Дзампано. Одновременно кричит куда-то в глубину зала:

— Касса, шестьсот сорок!..

Кладет перед Дзампано уже помятое, все в пятнах меню. Торопливо предлагает:

— Готова козлятина на вертеле и рагу из курицы с турецким перцем...

Дзампано с торжественным видом разглядывает меню, но мало что понимает в нем.

Джельсомина переводит взгляд с одного на другого, со страхом и восхищением ожидая дальнейших событий. Затем, больше для того, чтобы

выиграть время, нежели из других побуждений, Дзампано чванливо спрашивает Джельсомину:

— Тебе что заказать?

Джельсомина без колебаний, показывая головой на официанта, отвечает:

— Это.

Официант. Козлятину на вертеле или рагу из курицы?

Джельсомина. Да и то и другое.

Дзампано, не подавая даже признаков удивления, заказывает:

— Спагетти с соусом... Козлятина и рагу из курицы.

Официант. Вино, один литр.

Официант торопливо уходит, громко передавая заказ на кухню. Какое-то мгновение Джельсомина сидит неподвижно, словно зачарованная; потом разглядывает под столом свои руки. Они грязные. Колеблется, не зная, как поступить. Исподтишка вытирает их о скатерть и, наконец, блаженствуя в ожидании обеда, поплотнее усаживается на стуле. На лице ее мелькает улыбка, полная искренней благодарности.

Но Дзампано не отвечает на ее улыбку. Облокотившись на стол и прикрыв глаза, он с непроницаемым видом жует соломинку и наблюдает за посетителями трактира, совершенно позабыв о Джельсомине.

Деревенский ресторан.

На столе — остатки пищи, пустые бокалы. Опершись головой на руки, Джельсомина смотрит вокруг глазами, затуманившимися от блаженного состояния сытости и сонливости.

В зале нестройный шум голосов. Джельсомина медленно поднимает глаза и останавливает их на Дзампано, который сидит напротив с красным, надутым лицом и продолжает пить. Почти не отрывая головы от стола, Джельсомина смотрит на него с любопытством, чуть ли не с нежностью; потом спрашивает его:

— Дзампано, откуда вы сами будете?

Дзампано смотрит на нее с некоторым удивлением, которое тут же сменяется, несмотря на всю его напыщенность, подозрительностью и замкнутостью. Смеется и уклончиво отвечает тяжеловесной шуткой:

— Из той же деревни, что и мой папаша.

Дзампано продолжает смеяться; Джельсомина ухмыляется и продолжает спрашивать:

— У вас выговор не такой, как в наших местах. Откуда вы будете?

Дзампано серьезным тоном повторяет шутку, которая на самом деле не что иное, как инстинктивная самозащита:

— Из той же деревни, что и мой папаша.

Наливает вина. Спрашивает:

— А тебе не все равно? — и риторически добавляет: — Все мы итальянцы!..

И вдруг театрально обращается к вошедшей в зал очень полной, размазанной женщине, одетой бедно, но с жалкой претензией на эффект.

— Эй!.. Гарibaldiна!.. Поди сюда!..

Улыбаясь, женщина подходит. Во всем ее облике чувствуется что-то жестокое и в то же время ребяческое...

Проститутка. Привет, черномазый!

Дзампано наливает в бокал вина и приглашает:

— Присаживайся к нам. Выпей.

Джельсомина торопливо встает и, улыбаясь, освобождает незнакомке место за столом. Она даже не подозревает, что это — проститутка.

Джельсомина. Добрый вечер.

Женщина степенно, стараясь быть любезной и приветливой, но в то же время как-то неуверенно отвечает на ее приветствие:

— Добрый вечер.

Джельсомина вытирает стоящий рядом с ней стул и указывает на него.

Джельсомина. Садитесь...

Проститутка тяжело опускается на стул рядом с Дзампано, открыто кокетничая с ним.

Проститутка. Я сяду тут...

Громко беспричинно смеется. Дзампано, сохраняя серьезность, хлопает ее по плечу и щиплет; женщина старается подсесть к нему поближе. Заимствованным в кино жестом протягивает сигарету и просит:

— Огня.

Дзампано трет спичку о штаны; тем временем женщина снова оборачивается, чтобы взглянуть на Джельсомину, роль которой ей пока еще непонятна.

Та, приветливо и добродушно улыбаясь, рассматривает ее. Пододвигает бокал и подбадривает:

— Пейте же. Мы-то уже кончили. Вино хорошее!

Женщина с некоторым замешательством поворачивается к Дзампано. Приближает к спичке сигарету, которую она держит в губах, вытянутых в трубочку. Прикуривает. Выпустив дым, спрашивает с тяжеловесной развязностью:

— Чем вы занимаетесь?..

С некоторой снисходительностью Дзампано отвечает:

— Работаю на площадях... Я бродячий актер. (Жестом показывает на Джельсомину.) Она работает со мной... Я ее всему обучаю...

Напрягает мускулы и, взяв руку женщины, говорит, указывая на свои бицепсы:

— Пощупай-ка...

Проститутка снова раздражается смехом:

— Ничего себе парень!
Жестом фокусника Дзампано извлекает из кармана пачку бумажных денег, грязных и рваных, и, выложив их на стол, прихлопывает рукой.

Дзампано. Видишь деньги?.. Все они заработаны этими мускулами...

Женщина даже не пытается скрыть свой интерес. Глаза ее блестят. Она тянется к деньгам... Хочет взять ассигнацию в тысячу лир и, делая вид, что шутит, спрашивает:

— А мне подаришь?

Дзампано не смеется. Он хлопает ее по руке, прячет деньги обратно в карман. Проститутка хохочет. Пьет вино.

Проститутка. За ваше здоровье!.. (Внезапно.) Ну и вонища здесь!.. Пошли на улицу?

Дзампано. Пошли.

Положив на стол несколько бумажек, Дзампано хлопает в ладоши, чтобы привлечь внимание официанта. Ни слова не говоря, он встает и направляется к выходу впереди обеих женщин. Проходя мимо стойки, прихватывает две фляжки вина. Расплачивается за них.

Уходя, он раскланивается с той же важностью, что и при входе.

— Пока, Медини!.. Пока...

Джельсомина и проститутка следуют за ним. Дзампано выходит.

Темно. Проселочная дорога.

Еще не поздно, но дорога почти безлюдна.

Дзампано, Джельсомина и проститутка выходят из ресторанчика; подходят к фургону и останавливаются возле него.

Обе фляжки Дзампано укладывает в фургон.

Покончив с этим, обращается к проститутке:

— Влезай.

Подхватывает ее за талию, помогая взобраться. Джельсомина тоже намеревается лезть в фургон, но Дзампано отталкивает ее, объявляя спойкойно и решительно:

— Подожди здесь.

Джельсомина не понимает, в чем дело. Стоит в недоумении, Дзампано садится за руль и с шумом заводит мотор.

Джельсомина. Куда вы?

Дзампано. Жди здесь.

Мотоцикл трогается и вскоре исчезает в узкой улочке. Джельсомина остается одна перед рестораном. Она совершенно растеряна, смущена. Долго следит глазами за мотоциклом, исчезающим в глубине узкой, полутемной улицы... затем осмат-

ривается. Не смея послушаться, ищет места, где бы дожидаться возвращения Дзампано.

Поднимается на тротуар. Садится.

Мимо нее проходит стадо, которое гонят с ярмарки, потом все стихает.

4

Пробуждение Дзампано. Помидоры Джельсомины.
В дороге.

Уже давно рассвело...

На дороге большое оживление.

Какая-то крестьянская девушка, держа за руль велосипед, останавливается у тротуара, на котором по-прежнему сидит Джельсомина. Рядом с ней яблоко и тарелка с отбитым краем, наполненная похлебкой, к которой Джельсомина не притронулась.

С растрепанными волосами, съездившаяся, Джельсомина похожа на бездомную кошку. Она замкнулась. Недружелюбно смотрит на остановившуюся перед ней девушку, потом вызывающе отводит глаза в сторону.

Девушка. Ты все еще здесь?..

Джельсомина неприязненно поводит плечом. Ее нетерпимость вызвана отчаянием.

Джельсомина. А ну вас!

В разговор вмешивается женщина среднего возраста, высунувшаяся из окна.

— С ней не столкнешься. Я поставила тут ей немного супу, так она до него и не дотронулась! (К Джельсоmine.) Ну, что дальше-то будешь делать?...

У Джельсомины на глазах слезы. Она опять пожимает плечами, затем в порыве отчаяния бросает:

— А ну вас! Дождетесь! Я вылью ваш суп на землю!

Девушка. У твоего мужа мотоцикл с прицепом?..

Джельсомина не отвечает; бросает взгляд на девушку и молчит, напряженно прислушиваясь.

Девушка. Как ей быть?.. Дзельва говорит, что рядом с ее огородом остановился какой-то мотоцикл с прицепом.

Джельсомина, не вставая, пристально смотрит на девушку. Спрашивает:

— Где?..

Девушка. За огородом Дзельвы. В конце этой дороги направо. Говорит, что там на земле валяется мужчина.

Джельсомина вскакивает и почти бежит в указанном направлении.

На деревенских задворках, за огородами, косо накренившись, стоит, словно кем-то забытый, фургон Дзампано.

Джельсомина видит его издали: фургон выделяется черным пятном среди поля. Она бежит к нему. Запыхавшись подбегает, смотрит, нет ли Дзампано в фургоне. Но его там не видно.

Тогда она бежит к изгороди, оглядывается. Видит неподвижного Дзампано, распластавшегося на земле, на самом солнцепеке, с шапкой, натянутой на глаза.

Джельсомина подбегает к нему, опускается рядом на колени и внимательно разглядывает его. Дзампано спит тяжелым сном. Ручейки пота стекают с его лица, пропитывают рубашку на груди и под мышками.

Джельсомина тихонько окликает:

— Дзампано!..

Никакого ответа. Джельсомина зовет громче, легонько расталкивает его:

— Дзампано!..

Безрезультатно. Джельсомину охватывает страх. Приподнимая шапку, разглядывает она его лицо. Зовет снова... громче:

— Дзампано!..

Дзампано несколько раз всхрапывает... и вдруг садится, скрючившись, с выпученными, но ничего не видящими и не понимающими глазами.

Перепуганная Джельсомина отшатывается. Дзампано пялит на нее невидящие глаза, потом валится и тут же снова засыпает.

Некоторое время Джельсомина снова внимательно рассматривает его. Не знает, что ей дальше делать. Осматривается.

Освещенные солнцем поля безлюдны. Из села доносится полуденный перезвон колоколов.

Джельсомина усаживается поодаль, решив терпеливо ждать. Тихо, почти мелодично гудят телеграфные провода. Джельсомина приподнимает голову и, словно очарованная, слушает эти таинственные звуки.

Смеркается... То же поле...

Дзампано просыпается. Приоткрывает глаза. Уставившись в небо, лежит несколько мгновений с полуоткрытыми глазами. Наконец медленно приподнимается... Садится. Степенно осматривается, начинает различать окружающие его предметы. Старается собраться с мыслями. Затуманенный взор его случайно задерживается на Джельсоmine.

Неподалеку от фургона девушка поглощена своим занятием — разрыхляет землю. Поэтому она и не заметила пробуждения Дзампано.

У Дзампано не вызывает удивления присутствие Джельсомины. Он ищет глазами фургон. Увидя его за оградой, по-видимому, совершенно успокаивается. Что-то бормочет про себя; встает и, даже не отряхнувшись, грузным шагом направляется к мотоциклу.

Склонившись над грядками вскопанной и разрыхленной земли, Джельсомина поливает их из консервной банки. Почувствовав приближение Дзампано, она оборачивается, чтобы взглянуть на него.

Непринужденно улыбается навстречу ему.

Джельсомина. Вы проснулись?

Дзампано не отвечает. Останавливается на некотором расстоянии от нее. Шарит по своим карманам. Извлекает несколько мелких монет. С мрачным видом медленно их пересчитывает; кладет обратно в карман; ругается себе под нос. Потом неожиданно и резко говорит:

— Поехали отсюда! Давай поторапливайся!

Джельсомина немедленно встает. Только теперь Дзампано видит, чем она была занята. Он смотрит на взрыхленную землю, потом на Джельсомину, не понимая толком, что и зачем она делала. Хмурится. Джельсомина с гордостью объясняет:

— Я посадила помидоры. Тут на огороде были семена.

Дзампано. Помидоры?

Дзампано поворачивается, чтобы посмотреть на нее. Потом медленно, ни слова не говоря, идет к фургону. Джельсомина понимает, что ей придется покинуть свой огородик. Испуганная, прежде чем пойти за Дзампано, она на мгновение задерживается. С тоской смотрит на плоды своего труда.

Дзампано уже сидит за рулем. Он кричит:

— Эй, пошевеливайся!..

Джельсомина бежит к мотоциклу, а Дзампано запускает мотор.

Вечер.

Машина Дзампано с шумом мчится по дороге, которая постепенно тонет во тьме.

Джельсомина сидит в фургоне на тряпье, позади ведущего машину Дзампано. Его длинные сальные волосы развеваются от быстрой езды. Девушку качает и подбрасывает при каждом толчке. Парусиновый тент на фургоне резко хлопает. Девушка молчит; у нее такой мрачный вид, как будто ее терзает какая-то мысль или нерешенный спор, который она ведет сама с собой.

Глядит на спину Дзампано. Колеблется. Наконец решается и несколько раз толкает его в плечо.

На мгновение Дзампано оборачивается к ней:

— А?!..

Повысив голос, чтобы перекрыть шум мотора, Джельсомина спрашивает его в упор, как бы продолжая свой спор:

— Вы и с ней так?

Дзампано не понимает, о чем идет речь. Не отвечает. Потом кричит:

— Чего тебе?..

Джельсомина. С Розой!

Дзампано. Чего?..

Джельсомина, следуя за ходом собственных мыслей, спрашивает вызывающе, с тоской и неодобрением:

— Почему вы с ней пошли? Вы и с Розой так делали?..

Не сразу отвечает Дзампано. Он взбешен, но скрывает свою злость. Наконец кричит:

— А ну тебя, отвязись!..

Джельсомина молчит. Насупилась. Кажется, что она снова все про себя обдумывает и приходит к отрицательному выводу. Опять толкает Дзампано в спину и громко, с упреком говорит:

— Значит, вы из тех, которые путаются с женщинами!

На этот раз Дзампано не раздумывает. Выругавшись, он кричит:

— Знаешь что? Дзампано сам знает, что делать... Ты лучше помалкивай, если хочешь ладить со мной!..

Джельсомина молчит. Она очень взволнована. У нее не хватает слов выразить свои чувства... Наконец она собирается с мыслями и готова уже ответить, когда Дзампано вдруг раздражается смехом:

— Помидоры!.. (И, обернувшись вполборота, говорит ей не то вызывающе, не то презрительно или насмешливо.) Да что у тебя там, в твоей голове, а?

И, повеселев отчего-то, он включает фары и во все горло затягивает залихватскую песню.

Джельсомина смущена. Она все еще во власти своих горьких размышлений. Однако через несколько мгновений пение Дзампано увлекает ее, и она начинает подтягивать ему.

Ночь. Шоссе.

Мотоцикл Дзампано с зажженными фарами шумно мчится по неосвещенной дороге. Дзампано и Джельсомина во весь голос поют.

5

Жизнь «актеров». Джельсомина слышит мелодию, которая заставляет ее плакать. Она хочет вернуться домой. Снова в пути.

День. Сельская площадь. Окруженные немногочисленными зрителями, Джельсомина и Дзампано исполняют номер с «руньцом»: Джельсомина, посвистывая, бегаёт по

кругу, размахивая руками, словно крыльями, а Дзампано следует за ней с наведенным ружьем и своей обычной присказкой.

Дзампано. Да если вы никогда не стоите смиренно, то как же мне стрелять по вас из руньца?

Раздается оглушительный выстрел: Джельсомина валится наземь в одну сторону, а Дзампано — в другую. Кое-кто смеется, раздаются жидкие аплодисменты...

Другая сельская площадь. Ливень.

День клонится к вечеру. На безлюдной улице грязно и уныло.

Слышны приглушенные звуки радио.

Дзампано и Джельсомина прижались к стене какого-то дома, прячась от дождя под навесом крыши. Молчат. Посматривают на небо... Холодно. Оба подняли воротники пальто.

Через дорогу, под навесом небольшой мастерской, механик кончает ремонттировать мотор их «машины».

На лице Джельсомины написана безысходная тоска.

Напротив — освещенное окно. Оттуда доносятся приглушенные звуки музыки. Внутренность комнаты не видна, но на стекле мелькает профиль женщины, которая медленно расхаживает по комнате.

Джельсомина не сводит глаз с окна.

Механик кричит через дорогу Дзампано:

— Все в порядке!

Дзампано отходит от стены, Джельсомина остается на месте. По-видимому, она еще не осознала, что надо трогаться дальше. Уход Дзампано заставил ее лишь вздрогнуть.

Неожиданно, со слезами на глазах, голосом, приглушенным бесконечной печалью, она роняет:

— Пойду обратно.

Дзампано останавливается. Смотрит на нее. Он не понял, о чем идет речь. Джельсомина говорит еще более устало:

— Вернусь домой.

Дзампано молча со свирепым видом оглядывает ее. Не отвечает. Переходит дорогу, направляясь к мотоциклу, и уже оттуда, повысив голос, но без крика, приказывает:

— Пошевеливайся!

Джельсомина еще некоторое время стоит, прислонившись к стене, не двигаясь с места, от тоски и горя потеряв дар речи. Наконец решает, что ей ничего не остается, как так же под проливным дождем перейти дорогу и присоединиться к Дзампано.

Джельсомина и Дзампано выступают на богатой ферме. Дзампано ради шляпы и синего костюма ухаживает за старухой. Ночное одиночество Джельсомины, которая тщетно пытается объясниться с Дзампано.

Загримированная, обряженная как клоун, Джельсомина поет песенку, сопровождая свое исполнение жалким шутовским кривлянием. Дзампано, одетый для своего номера, то есть голый по пояс, аккомпанирует ей на гармонике.

Представление происходит на дворе большой сыроварни. Ее высокие потемневшие массивные стены напоминают стены древней крепости.

Здесь установлен длинный свадебный стол. На почетном месте восседают новобрачные. Невеста в белом городском платье; жених — в темном двубортном костюме. Женщины постарше носят еще широкие платья крестьянского покроя, темных расцветок и золотые украшения; молодые же почти все одеты как горожанки.

Женщины — матери и сестры молодоженов — прислуживают за столом, помогая прислуге; вспотевшие, они суетливо снуют от кухни к столу.

Веселье, обычное для подобного торжества. Гости едят, пьют, громко разговаривают и смеются. Почти никто, не считая четырех или пяти восхищенных ребятишек, не обращает внимания на Джельсомину.

Она кончает петь и, не зная, что ей делать дальше, останавливается в нескольких шагах от стола. Никто ее не замечает. Она поворачивается к Дзампано, словно спрашивая у него приказаний.

Когда смолкает музыка и пение, становится отчетливо слышен голос одного из гостей, который задает невесте двусмысленный вопрос:

— Невеста, а у кого же ключ от спальни?

Беззубая старуха ехидно кричит:

— А ты ключ-то спроси-ка у мужа!..

За столом все смеются. Наконец толстый крестьянин замечает, что Джельсомина кончила петь и стоит в ожидании; он берет со стола яблоко. Благосклонно и одновременно пренебрежительно бросает его ей в лицо, как собаке.

— На!..

Джельсомина на лету ловит яблоко. Крестьянин снова принимается за свою еду. Мать жениха, крестьянка лет пятидесяти, сухопарая, властная, проходит мимо Джельсомины с наполовину опорожненной тарелкой и приглашает ее:

— Пойдемте, закусите. (Повернувшись к Дзампано, добавляет.) И вы тоже.

Дзампано собирает свои инструменты и медленно, вразвалку уходит.

Джельсомина идет следом, украдкой оборачиваясь и поглядывая на праздничный стол, а главное, на невесту.

Жених обращается к матери:

— Мамаша, вы присели бы немного к столу. Все время на ногах.

Та сухо отвечает:

— Ладно уж!.. Завтра!..

И, отвернувшись, колко добавляет:

— Мне эту ночь можно спать сколько вздумается!.. Ведь я-то вдова!.. Все смеются... В общем смехе выделяется голос молодого парня в военной форме, затянувшего на мотив солдатской песни:

Нынче будет не до сна, не до сна,

Нынче будет не до сна, не до сна.

Нет!..

Смех усиливается.

Дзампано и Джельсомина подходят к дому. У порога оба в смущении и нерешительности останавливаются.

В этой обстановке даже Дзампано, по-видимому, утратил какую-то долю своей самоуверенности.

Свекровь уже скрылась в доме. Несколько женщин выносят оттуда новую порцию разных яств. Дзампано просовывает голову в дверь и спрашивает:

— Можно?..

Стайка ребятишек, выгнанных из-за стола, но еще не утомившихся, окружила циркачей. Они подсмеиваются над ними, сначала робко, потом все более нахально. Жертвой их насмешек является главным образом Джельсомина, с ее помятым цилиндром и раскрашенным носом. Один из мальчиков, посмелее, громко говорит по их адресу:

— Бродяги!

Другие ребята смеются; какая-то девочка хватает Джельсомину за полу и тащит к двери, тихонько повторяя:

— Пойдем!..

Девушка растерялась, она в нерешительности. Подталкивая Джельсомину, Дзампано говорит с напускной твердостью в голосе:

— Заходи!..

Джельсомина входит. Девочка все еще тянет ее за полу.

С толпой ребятишек, которые окончательно разошлись и продолжают их дразнить, входит и Дзампано.

Вместе с кривляющимися вокруг них ребятами Джельсомина и Дзампано входят в большие деревенские сени. В глубине их — каменная лестница. Одна из дверей ведет в кухню. Оттуда доносятся голоса, стелется дым, слышится звон кастрюль и тарелок.

Дзампано снова спрашивает:

— Можно?

Девочка, не переставая, тянет Джельсомину за полу к боковой двери, настойчиво повторяя:

— Пойдем!..

Из кухни выходит свекровь с очередной тарелкой, направляясь во двор. Мимоходом она бросает:

— Что вы тут делаете?.. (Джельсомине.) Умойте-ка лицо. (Дзампано.) А вы накиньте на себя что-нибудь... (И со странным выражением в голосе.) Не оставайтесь же вам голышом в женском обществе?.. (Показывает на большое ведро в углу.) Вот там вода. Ну, а потом идите на кухню. Свекровь выходит во двор. Проходящие с тарелками две девушки возбужденно хихикают, поглядывая на полуголого Дзампано.

Дзампано кое-как умывается.

Девочка продолжает тянуть Джельсомину, которая пытается от нее освободиться.

Джельсомина. Чего тебе надо?

Девочка. Пошли!..

Джельсомина делает несколько нерешительных шагов за девочкой, направляющейся к боковой двери, потом останавливается и спрашивает:

— Куда?..

Девочка. Пойдем к Освальдо... Пойдем, посмеши его...

Нехотя Джельсомина идет за ней.

Джельсомина. Да мне сейчас есть хочется...

Продолжая держать Джельсомину за полу, девочка входит в дверь. Нерешительно, упираясь, Джельсомина идет за ней.

Одна из комнат в доме на ферме.

Увлекая за собой Джельсомину, ребенок входит в большую комнату. В ней разложено приданое невесты. Повсюду груды простынь, скатертей, шерстяных одеял, белья.

Девочка направляется к другой двери; но Джельсомина, которая и до сих пор нехотя шла за ней, сейчас, позабыв обо всем на свете, останавливается и с восхищением разглядывает приданое.

Однако ребенок упорно тащит ее дальше.

Девочка. Идем... Идем к Освальдо...

Затаив дыхание, Джельсомина указывает девочке на горы белья и спрашивает:

— Зачем это?..

Девочка. Пойдем же!.. А ты как думаешь? Это приданое невесты... Идем...

Джельсомина машинально следует за девочкой, не в силах отвести

глаз и оторваться душой от невиданного зрелища. Но девочка уже вошла в другую дверь.

Девочка и Джельсомина проходят по какому-то узкому полутемному коридору. Ребенок идет быстрее. Джельсомина не отстает от него.

Джельсомина (все еще ошеломленная). Зачем столько простынь?.. (Уже другим тоном.) Куда ты меня ведешь?..

Девочка поворачивает к другой двери, толкает ее и входит, снова увлекающая за собой Джельсомину. Еще с порога она с торжеством, но почти шепотом зовет:

— Освальдо!.. Освальдо!..

Комната, в которую вошли Джельсомина и девочка, — большое, убогое, полутемное помещение. С улицы доносятся громкие разговоры и смех гостей. В большой кровати, стоящей в глубине, кто-то лежит. Это ребенок, полузастывший в своей неподвижности. Его возраст трудно определить. Он бледен, как белый гриб. У него бритая голова. И все время, пока девочка говорит, возбужденно, но по-прежнему тихо, словно боясь, что ее могут услышать, его пронизательные глаза прикованы к Джельсомине.

Девочка. Освальдо! Смотри, как смешно!.. (Джельсомине.) Рассмешь его!..

Джельсомина хорошенько еще не разобрала, кто лежит в постели. Медленно подходит ближе к кровати и наконец догадывается, в чем дело. Она потрясена. Спрашивает у девочки:

— Что с ним?

Девочка. Ноги не ходят. (Подталкивая Джельсомину.) Ну-ну, делай, как раньше, рассмешь его!..

Джельсомина не знает, как себя вести. Говорит, обращаясь к паралитику:

— Здравствуй... (Потом, гримасничая, делает смешной поклон.) Здравствуй...

Девочка. Ш-ш-ш! Потихоньку! Они не хотят, чтобы люди его видели. (Снова подталкивает ее.) Делай, как раньше... только потихоньку...

Джельсомина делает порывистое движение. Она встревожена. Нервничает.

Джельсомина. А что я должна делать? (Потом другим тоном.) Он отсюда не выходит?

Приподнимает полы пальто, сгибает ноги в коленях и, насвистывая, скачет, огибая полукруг, как в представлении с «руньцом».

Девочка смеется. Но в этот момент дверь в глубине комнаты открывается, и на пороге вырастает фигура злой, сухопарой старухи.

Старуха. А вы тут что делаете?... Вон отсюда! Вон! Убирайтесь вон! (К девочке, с угрозой.) А тебя я проучу!

Девочка убегает в дверь, через которую вошла. Напуганная Джельсомина спешит за ней.

Обе стремительно убегают, преследуемые криком старухи:

— Вон отсюда!.. Убирайтесь вон!..

Кухня.

Это огромная комната. Густые клубы пара стоят в ней сейчас. Кроме большой печи, огонь разведен и в небольших плитах. Возле большой плиты — толстая дородная женщина. Две или три девушки энергично помогают ей.

Дзампано сидит в углу рядом с большой печью. Набивая рот, жадно ест. Свекровь, проходя мимо, ставит перед ним на стол еще одну тарелку, наполненную до самых краев. Отрывисто и как-то вызывающе она угощает его:

— Натё, ешьте. Не так-то просто накормить досыта такого детину.

Дзампано, поглощенный едой, поднимает глаза. В них как будто досада, что приходится отрываться. Однако он благодарит за новое блюдо.

Мать невесты, не отрываясь от дела, говорит с упреком свекрови:

— Это вы их усадили тут, на кухне?.. Во дворе они бы не так мешали... Здесь и без того не пройти.

Но свекровь сразу же резко обрывает ее:

— Ну, а дальше что? Вы, что ли, будете носить им еду во двор?

Мать невесты уже ушла с тарелками. Свекровь поворачивается к кухне, суетящейся у плиты. Дзампано, немного помедлив, насупившись, принимается снова за еду.

Свекровь, продолжая хлопотать, опять проходит мимо Дзампано и бросает ему все так же заодно:

— Будь у вас охота в деревне работать — хорошо бы мешки таскали... А вам только бы без дела шататься...

Дзампано, пойманный врасплох, несколько мгновений хмурится, не зная, что сказать. Но, подняв глаза, он видит, что свекровь уже прошла, и снова принимается за еду.

А та, наполнив себе тарелку, встает перед Дзампано, ест и пристально разглядывает его. Он это не сразу замечает, а почувствовав, что его разглядывают, с досадой смотрит на женщину и опять склоняется над тарелкой.

Женщина не трогается с места. Дзампано снова поднимает глаза. Говорит:

— Едите стоя, как лошадь?

Гордо, с той же непонятной заносчивостью, женщина быстро отвечает:

— А я всегда ем стоя.

Дзампано больше нечего сказать. Короткая пауза. Свекровь продолжает:

— На ком прикажете дому держаться?.. Было у меня два мужа, да оба померли.

Отходит. Хлопочет у плиты. Отдает какие-то распоряжения девушке. Взяв бутылку вина, возвращается к столу, за которым сидит Дзампано.

Свекровь. Вот уже вторые сутки подряд поднимаюсь в три часа утра. Кроме тортов да русского салата, которые готовила кухарка из Сан-Квирико (указывает на толстую женщину), все сама стряпала. (Пожимает плечами.) И думаете, устала?.. Могу танцевать хоть целую ночь напролет, было бы желанье. (Задорно и вызывающе.) Наш брат не то, что девицы.

Дзампано наливает себе из бутылки. Не придавая особого значения своим словам, говорит:

— А почему бы вам снова замуж не выйти? Свекровь (пожимая плечами). Нет уж, хватит с меня мужей! Командовать в доме я и сама могу.

Дзампано подвыпил. Говорит он скорее по привычке к шутловству, нежели из других соображений.

Дзампано. Разве муж только и умеет, что приказывать? С явным вызовом женщина отвечает:

— Почему же?.. Я что, не живой человек? Сладкое-то каждому по вкусу.

И отходит к плите. Дзампано следит за ней, и на его лице мелькает насмешливая и хитроватая улыбка. Он снова прикладывает к бутылке. В это время в кухню торопливо входит Джельсомина. Она вытирает размалеванное лицо, осматривается, поспешно подходит к Дзампано и усаживается против него.

Не обращая на нее внимания, Дзампано тихо смеется, прикрывая рот тыльной стороной ладони. Джельсомина обеспокоена, она чувствует себя в чем-то провинившейся, ей хочется что-то рассказать Дзампано. Она трогает его за руку и зовет приглушенным голосом:

— Дзампано... Но Дзампано, не слушая ее, продолжает смеяться.

Джельсомина (снова). Дзампано... Тут в комнате... Возвращается свекровь и, не удостоив девушку даже взглядом, ставит перед ней наполненную до краев тарелку.

Говорит, обращаясь исключительно к Дзампану:

— Мой первый муж был такой же высокий и полный. У меня осталась тут вся его одежда; ни одному мужчине не годится.

Отходит. Зажигает свечку и, указывая Дзампано на люк в полу, говорит:

— Сделайте одолжение. Откройте мне подпол. Но Дзампано, весь под впечатлением ее слов об одежде, не двигается с места. Спрашивает:

— И эта одежда у вас лежит без дела?

Свекровь (вызывающе и задорно). Да кто же ее наденет? Таких мужчин, как вы, поискать надо. (Наклоняется, пытается поднять люк.) Подсобите-ка.

Дзампано встает и легко поднимает тяжелый люк. Под ним оказывается длинная каменная лестница, уходящая в темноту. Свекровь. Придется достать бутылку с вином. Они уже там почти все допили. Сходите-ка.

Но Дзампано, мрачный и угрюмый, не без задней мысли, настаивает: — Если вам не нужно, мне пригодилась бы шляпа. С горящей свечой в руке свекровь спускается по лестнице.

Свекровь. У меня их две или три. Посмотрите сами... Дзампано прикрывает рукой рот, на котором заиграла наглая улыбка плута, и идет вслед за ней. Но, прежде чем скрыться в темноте, он хитро подмигивает Джельсоmine, словно приглашая ее в сообщницы.

Джельсомина, занятая едой, ничего не поняла из их разговора... Продолжая есть, она простодушно подмигивает в ответ.

Но вдруг внезапная догадка преображает лицо девушки. Ее рука с ложкой застывает на полпути ко рту. Она еще не верит себе, но ее уже охватило смятение. Позабыв проглотить еду, она вскакивает, подходит к люку и испуганно всматривается в глубину подвала. Видит, как колеблющееся пламя свечи исчезает в темноте.

Джельсомина цепенеет, все еще не желает верить своим подозрениям. И вдруг, помимо своей воли, начинает смеяться.

Наступила ночь. Несколько лампочек освещают большой ток каким-то резким, неестественным светом.

За столом все еще сидят гости. Но молодежи среди них нет. Она танцует под звуки радиолы.

Гости в приподнятом настроении. То и дело слышатся взрывы смеха, женский визг.

Из соломы торчат ноги какого-то пьяного, который уснул, свалившись наземь.

Девушка с визгом убегает от молодого человека, тот ее догоняет. Возникает упорная «борьба», заканчивающаяся тем, что оба валятся на землю.

Ночь. Большой хлев освещен единственной красноватой лампочкой. Кругом все окутано густым полумраком.

У кормушек — животные. Одни пережевывают жвачку стоя, другие лежат. Снаружи доносятся звуки радиолы, крики молодежи.

Джельсомина примостилась возле кучи сена. Она разговаривает со

старым батраком, растянувшимся на нарах. Это уже совсем седой человек с живыми глазами на морщинистом лице. Джельсомина указывает ему на животных, тот называет их имена.

Батрак. «Голубка».

Джельсомина. А эта вот?..

Батрак. Эту корову зовут «Прекрасная жизнь».

Джельсомина. А вон та?.. Отчего она вся дрожит? Что с ней?..

Батрак. Это вол «Сержант». Он всегда дрожит по ночам.

Джельсомина (поражена). Отчего?.. Боится?..

Батрак. «Сержант» у нас с придурью. Видит духов. Как приходит ночь, так начинает дрожать.

Джельсомина (это производит на нее большое впечатление). С придурью!..

Встает, осторожно подходит к волу, рассматривает его. Непроизвольно пытается тоже дрожать всем телом.

Джельсомина. Ведь вон что он делает!.. Как дрожит! Как дрожит!..

Возвращается на свое место и продолжает:

— А днем он не дрожит?..

Батрак. Нет, днем не дрожит. Работает. (Устраивается на нарах поудобнее.) Теперь я буду спать!..

Джельсомина (после паузы). Я тоже ночью боюсь... Иногда. А вы?..

Батрак молча ухмыляется.

Джельсомина. Порой мне хочется умереть. Что мне делать на этом свете? Я немного... (Показывает пальцем на лоб.)

С нар доносится спокойный храп.

Джельсомина приподнимается, чтобы взглянуть на батрака. Тихо зовет его:

— Послушайте...

Тишина. Джельсомина взбирается по лесенке и неожиданно для себя оказывается лицом к лицу с батраком, который уже спит крепким сном. Девушка рассматривает его и говорит про себя, с искренним удивлением и расположением.

Джельсомина. И кто бы подумал! Теперь он похож на печеное яблоко!

Смотрит на батрака еще несколько мгновений, потом слезает. Она одна в полутемном хлеве. Не слышно ничего, кроме однообразных, монотонных звуков. Это животные. Они жуют жвачку и сопят.

Джельсомину охватывает глубокая тоска.

Джельсомина. Все мы стареем... Кто знает при этом, как мы умрем... а потом... кто знает...

Джельсомину потянуло к «придурковатому» волу.

Она медленно подходит к нему, заглядывает животному в глаза. Потом переводит взгляд в ту сторону, куда смотрит вол, словно рассчитывая увидеть там то же, что «видится» ему. Ей жутко. Не то придиричиво, не то по-матерински ласково, она тихо спрашивает у вола:

— Ну что с тобой?.. Чего глядишь? (Дотрагивается до лба животного, как бы желая сказать ему, что он глупый.) Ты немножко того?.. Да?..

Она не видит, что в хлев вошел Дзампано и смотрит на нее с любопытством и подозрительностью.

Наконец Джельсомина замечает Дзампано. Говорит ему просто, указывая на вола:

— Он с придурью.. Видит духов.

Ее переполняет желание поделиться с кем-нибудь мыслями. Она возбужденно рассказывает:

— Днем он работает... А как ночь, так дрожит... Весь дрожит. Вот так... (Комично копирует.)

Войдя во вкус, сильно утрируя, она продолжает подражать животному. При этом не переставая смеется.

— У него дрожит хвост... рога... Тук-тук-тук... Так стучат рога...

Джельсомина опять изображает дрожащее животное. Потом, смеясь, она валится на сено. Снова усаживается.

Дзампано не отвечает. Сидя на сене, он осторожно извлекает из-под куртки большой сверток.

Джельсомина. А вы верите в духов?..

Дзампано не отвечает. Снимает куртку.

Джельсомина. Дзампано...

Обнаружив, что карманы его куртки набиты, Дзампано вытаскивает оттуда крендели и с любопытством их разглядывает. Потом сам над собой смеется.

Джельсомина. Дзампано... А вы верите в духов?

Дзампано с досадой передергивает плечами. Сует в руки Джельсомины крендели.

— На... Ешь давай...

Но Джельсомина бессознательно старается привлечь его внимание; пытается во что бы то ни стало завязать с ним разговор. Взяв кусок кренделя, торопливо произносит:

— Глядите, Дзампано.

Подбросив кусок кренделя, она на лету ловит его ртом. Смеется. Потом спрашивает:

— А вам никогда не снятся ваши умершие родственники?.. А отец с матерью еще живы у вас?

Дзампано целиком поглощен разглядыванием содержимого свертка. Он извлекает из узла пиджак, шляпу. Своим вопросом Джельсомина на мгновение отвлекла его внимание.

Дзампано. Нет...

Радуюсь в душе тому, что наконец ей удалось добиться ответа, Джельсомина продолжает с неподдельным интересом расспрашивать.

Джельсомина. И давно они померли?..

Дзампано неопределенно разводит руками. Отвечает не сразу... Разворачивает пиджак, рассматривает. Потом медленно говорит:

— Отец мой был молодцом почище меня. Выше ростом. Устраивал лестницу из шпак, разрывал цепь в три ряда, проделывал сальто-мортале на поезде. Свалился с семиметровой высоты. Кровохарканье... Смерть... Я своими руками подобрал его... Духи — это бабы рассказы... (Встает с пиджаком в руке; делает пальцами движение, как будто пересчитывает деньги.) Вот что важно в жизни. А придет пора подышать — ну и подождем.

Натягивает на себя пиджак. Осматривает его на себе. Джельсомина смотрит и только теперь замечает пиджак и шляпу, аккуратно отложенную в сторону. Поднимает глаза. Смотрит на Дзампано, поглощенного примеркой, на шляпу. И начинает смеяться, как и тогда, когда он спускался со свекровью в винный погреб.

Смеется, отвернувшись в сторону... Вдруг хмурится... Опустив глаза, задумывается...

Дзампано берет шляпу, осматривает ее со всех сторон, тыльной стороной ладони стряхивает с нее соринки.

Все еще хмурясь, Джельсомина вспоминает мотив, слышанный ею в деревне во время дождя.

Машинально тихо насвистывает его. Потом, захваченная мелодией, говорит, обращаясь к Дзампано:

— Помните?.. (Свистит еще некоторое время.) Как красиво!.. Дзампано, почему вы не учите меня играть на трубе?.. Я быстро выучусь... Вы Розу учили играть на трубе?.. Что делала Роза?.. Работала, как я?..

Дзампано осторожно надевает на голову шляпу; сдвигает ее на правое ухо, потом на левое.

Джельсомина. Дзампано...

Наконец Дзампано оборачивается к ней. Он страшно доволен и пиджаком и шляпой. Хитровато улыбается Джельсоmine и с важностью подмигивает ей.

Дзампано. Идет?..

Джельсомина молча смотрит на него; усмехается, но улыбка тут же гаснет на ее лице.

Приняв ее смех за одобрение, он и сам смеется, бормоча сквозь зубы: — Господи, уж эти мне бабы!..

Повеселев, вполне довольный собой, снимает шляпу, осторожно откладывает ее в угол: снимает пиджак и кладет его рядом со шляпой.

Садится на сено, бормочет, располагаясь ко сну:

— Господи, и покурить-то нельзя.

Джельсомина, все так же молча сидевшая на корточках, медленно склоняется на сено, будто укладывается спать, и заливается горячими слезами.

Дзампано замечает это не сразу. А заметив, удивленно останавливает на ней свой взгляд, не понимая и почти не веря собственным глазам.

Бормоча что-то сквозь зубы, он медленно укладывается... Потом вдруг снова приподнимается и, рассвирепев, громко кричит:

— Какого черта?..

Джельсомина поводит плечами и свертывается в клубок.

Джельсомина. А ну вас!..

Дзампано насмешливо повторяет ее жест, которым она поясняла свои слова о придурковатости вола.

— Дуреха ты, и все тут!

Джельсомина (приглушенно). А ну вас!

7

Предрождественские дни. Побег Джельсомины. Ее приезд в город во время праздника. Джельсомина впервые видит Матто, который ходит по канату между крышами. Злополучное приключение с пьяными солдатами. Дзампано снова увозит Джельсомину с собой. Оба продолжают свой путь.

Светает. Дзампано, развалившись на сене, погружен в глубокий сон. Джельсомина бодрствует. Насупившись, она задумалась. Изредка поглядывает на Дзампано. Наконец решается и зовет его:

— Дзампано!.. Дзампано!..

Толкает его, пытаясь разбудить:

— Дзампано!.. Дзампано!..

Дзампано внезапно пробуждается; смотрит на Джельсомину, еще не совсем проснувшись. Джельсомина говорит скороговоркой:

— Я ухожу.

Замолкает, словно ожидая ответа; потом добавляет:

— Обратно... домой...

Дзампано все еще не понимает. Джельсомина объясняет:

— Не из-за работы. Работа бы мне подошла. Мне нравится выступать.

Какое-то мгновение колеблется; потом продолжает:

— Вы вот мне не подходите.

Дзампано отвечает не сразу. Наконец спрашивает сонным голосом:

— Чего?..

Джельсомина. Ухожу. Обратно, к себе домой.

Несколько мгновений он смотрит на нее, потом, пожав плечами, снова укладывается.

А через минуту, даже не оборачиваясь, осипшим от сна голосом, в припадке внезапного озлобления громко кричит:

— И убирайся!.. Ко всем чертям!..
Джельсомина не шевелится. Несколько секунд молча сидит, словно выжидая чего-то, потом роняет:

— Ваши башмаки оставлю в мотоцикле.
Дзампано не отвечает.
Джельсомина встает. Смотрит на него еще некоторое время, затем направляется к двери и уходит.

Раннее утро. Из хлева выходит Джельсомина. Ток наполовину пуст. С первыми лучами солнца появляются первые признаки жизни. Батрак готовится напоить двух ломовых лошадей. Девушка размешивает в бадейке пойло для свиней, которые оглашают двор диким хрюканьем. Джельсомина подходит к фургону. Останавливается. Из ящичка, установленного под лавкой, вытаскивает свои тряпичные тапочки, внимательно оглядывает их, стучит одной о другую... Снимает башмаки, надевает тапочки. Башмаки кладет в фургон.

Еще некоторое время стоит, поглядывая на хлев, словно надеясь, что ее позовут. Но тщетно!
Уходит... Идет через двор, минует курятник, выходит на дорогу...

Вечер.
С вершины холма видно, как в темное небо взвиваются разноцветные фейерверки, образуя там яркие арабески. Их свет на какое-то мгновение дает возможность увидеть контуры праздничного города.

Гирлянды лампочек обозначают местонахождение центральных улиц. Временами оттуда долетает духовая музыка.

Джельсомина бредет по шоссе в город, посматривая вверх, на огни.

Под арками из цветных лампочек движется крестный ход в честь храмового праздника. Городской духовой оркестр ушел далеко вперед, а сейчас в праздничных одеяниях проходят священники, несущие на плечах изображение святого.

Огни, факелы, пение псалмов.
Джельсомина, прижатая к стене, крестится, преклоняет колена, поднимается. Следит глазами, как удаляется, покачиваясь над толпой, блестящая фигурка святого. Теперь перед Джельсоминой проходят местные жители — мужчины и женщины. Движущаяся перед ее глазами толпа

кажется девушке единым черным пятном. Она выглядит в этой давке невероятно одинокой и покинутой.

Крестный ход удаляется. Джельсомина продолжает брести против течения, наугад. Она устала, у нее растерянный, голодный вид. Некоторые магазины еще открыты. Джельсомина останавливается перед огромным магазином электротоваров. Сквозь большие окна магазина, освещенного неоновыми лампами, можно разглядеть множество белых электрических приборов, зловещих и таинственных. Куски ваты, имитирующие снежные хлопья, серебряные гирлянды и рождественское дерево за окном, огни которого то загораются, то гаснут, — все это еще сильнее подчеркивает убожество окружающей обстановки. Джельсомина восторженно разглядывает витрину, затем продолжает свой путь.

Поздний вечер.

Базарная площадь, забитая палатками торговцев, ярмарочными киосками для стрельбы по мишени. Здесь торгуют горячими оладьями, сладостями; проходят ряженые...

Шум, обычный для подобных мест. Джельсомина бредет подобно лунатику, обессиленная усталостью и голодом, ошеломленная и восхищенная тем, что она видит.

Проходя мимо торговца оладьями, она, словно зачарованная, останавливается посмотреть на покупателей, которые тут же, на месте, едят их. Потом направляется дальше. Вдруг ее восторженный, ошеломленный взгляд устремляется вверх. В глубине площади, в начале боковой улицы, на высоте второго этажа, между домами протянут канат. На канате, освещаемом снизу прожекторами, установленными на старом малолитражном автомобиле, какой-то мужчина стоит на голове, выпрямив вверх ноги. Джельсомина больше ничего не замечает. Она медленно подходит ближе, как замороженная, устремив взор в высоту.

Матто поднимается, встает на ноги. Берет табуретку, которую ему подают из окна, устанавливает ее на канате, усаживается и начинает подбрасывать и ловить четыре или пять палочек, обернутых люстрином.

Затаив дыхание, смотрит Джельсомина.
Внезапно табуретка на канате зловеще закачалась. Мужчина жестикулирует, шатается, теряет равновесие.

Толпа испускает вопль ужаса; Джельсомина, вскрикивая, приседает, машинально прикрывая рукой рот. Табуретка и человек устремляются вниз, в пустоту. Но, пролетев несколько метров, табуретка повисает на веревке, привязанной к канату. Матто, уцепившись за табуретку, плавно раскачивается, улыбаясь публике.

Не дыша, Джельсомина смотрит на него.
С необыкновенной ловкостью Матто взбирается на свой канат и, стоя

там на одной ноге, шутливо раскланивается перед аплодирующей толпой, подбегает к окну и исчезает в нем.

Джельсомина глубоко потрясена. Она не может прийти в себя. Смотрит на опустевший канат, на окно, на окружающих ее людей и снова на канат.

Вдруг Джельсомина замечает, что Матто вышел на улицу и пробирается через толпу с тарелкой для сбора денег. Она глядит на него восторженно, почти испуганно, как будто он не простой смертный. Неожиданно девушка оказывается перед Матто. Тот, насмешливо глядя на нее исподлобья, протягивает тарелку.

Матто. Благодарю, синьорина.

Джельсомина испуганно отпрянула. Но Матто не сдаётся; с вежливой издевкой он настаивает:

— Это по желанию. Спасибо тем, кто дает, спасибо и тем, кто отказывает.

Продолжает стоять с тарелкой, протягивая ее Джельсоmine. Та пугается еще больше, продолжает пятиться, отрицательно трясет головой.

Матто, забавляясь, настаивает:

— Если вы считаете, что я заслуживаю десять или двадцать лир, то спасибо; если не верите и не можете, тоже спасибо.

Все еще стоит с протянутой тарелкой. Джельсомина опять в испуге качает головой. Матто не унимается.

Матто. Не угодно ли сделать небольшое усилие?..

Вокруг раздаётся смех. Джельсомина говорит как-то пискливо:

— У меня нет денег...

Матто. Совсем небольшое усилие: десять лир.

Джельсомина отступает.

— Пять лир...

Джельсомина продолжает пятиться. Матто протягивает руку к ее уху. Жестом фокусника он извлекает из него бумажку в сто лир и говорит, низко кланяясь:

— Благодарю ваше доброе сердце, синьорина!..

Под смех и аплодисменты толпы он показывает всем бумажку в сто лир. Джельсомина в ужасе. Невольно она подносит руку к уху. Люди смеются громче. Матто пробирается сквозь толпу дальше. Джельсомина, смущенная и напуганная, торопится скрыться от веселого любопытства людей. Проталкивается. Уходит.

Несколько солдат, которые наблюдали за этой сценой, насмешливо окликают ее и идут за ней следом.

Солдаты. Эй, блондинка!.. Где ты прячешь свои деньги?.. Блондинка!..

Джельсомина торопливо уходит. По временам оглядывается. Солдаты следуют за ней на расстоянии. Насмешливо окликают ее.

Наступила ночь.

В домах, выходящих на маленькую, тускло освещенную, безлюдную площадь, закрыты все двери и окна, кроме входа в небольшое кафе, откуда скупо пробивается свет.

Джельсомина, едва держась на ногах от усталости и вина, которым ее угостили солдаты, проделывает перед ними возле кафе жалкие шутовские сценки.

Покорно подчиняясь зрителям, которые со смехом отдают ей приказания, она марширует взад и вперед, останавливается, становится во фронт, отдает честь.

Солдаты. Ать-два... Ать-два... Ать-два.

— Стой! Отдать честь полковнику!..

— Кру-гом!..

— Отдать честь!

— Вперед, шагом-арш!..

Джельсомина шатается. Вопреки своему желанию, устало передернув плечами, она продолжает паясничать, словно вынужденная к этому.

Джельсомина. Уф!..

Неуклюже отдает честь, снова марширует.

Солдаты. Ать-два!.. Ать-два!

— Равнение направо!..

— Кругом!.. Кругом!.. Кругом!..

Джельсомина три раза подряд поворачивается кругом. Теряет равновесие. Шатается. Перед ее глазами все кружится. Подносит руку к голове.

Треск подъехавшего мотоцикла кажется ей нереальным, сливается с оглушающим ее шумом многочисленных голосов. Она прикрывает глаза, а когда открывает их и осматривается, то видит, что неподалеку от нее стоит фургон Дзампано.

Сидя на мотоцикле, Дзампано смотрит на нее, не говоря ни слова. Не веря своим глазам, Джельсомина смотрит на него, потом в инстинктивном порыве непокорности и страха пытается ускользнуть от него. Бросается в сторону.

Джельсомина. Нет!.. Я не поеду!! Не поеду больше с вами!.. Не поеду!.. (Голос срывается, она всхлипывает.)

Солдаты, не понимая в чем дело, стоят в нерешительности, посмеиваются. Дзампано медленно слезает с мотоцикла. Спокойно, с вызовом смотрит на них. Потом оборачивается к Джельсоmine, грубо приказывает ей:

— Садись!

Джельсомина описывает круги вокруг Дзампано, с каждым разом все больше от него удаляясь. Испуганно, но непокорно всхлипывает.

Джельсомина. Не поеду!.. Не поеду!..

Наклоняется, схватив камень, бросает его в Дзампано, кричит:

— Убирайтесь!..

Потом, словно исчерпав этим весь запас своей непокорности, начинает медленно, помимо желания, приближаться к Дзампано.

— Не могу я больше с вами оставаться... Не хочу больше... Дзампано ждет ее, не трогаясь с места. Когда же она приближается на расстояние вытянутой руки, он хватает ее и награждает несколькими увесистыми оплеухами. Потом толкает к машине, говорит отрывисто, ледяным тоном:

— Влезай!..

Солдаты сначала посмеивались над происходящим, а теперь стали возмущаться. Дзампано с вызовом смотрит на них; садится на мотоцикл, и, пока Джельсомина торопливо забирается в фургон, он трогается в путь.

8

Джельсомина и Дзампано «ангажированы» в цирк Коломбайони. Матто и Дзампано не поладили. Матто исполняет для Джельсомины старинную песенку.

Внутренность фургона.

Джельсомина бодрствует. Дзампано рядом с ней не видно. У нее нелюдимый вид. Она чем-то подавлена.

С усилием осматривается, не понимая, куда они приехали.

Снаружи доносится кудахтанье кур.

Джельсомина приподнимается на локте, выглядывает из фургона, осматривается.

День...

Мотоцикл остановился у больших фургонов, рядом с полотняным навесом маленького цирка, обосновавшегося на просторной площади одной из глухих окраин Рима. Фургонов всего два; навес — весьма небольшого объема.

На площади, между цирком и фургонами, совсем как в деревне, копаются куры.

Джельсомина соскальзывает вниз. Осматривается. Ничего не понимает. Ищет глазами Дзампано, но его не видно.

Неожиданно из-под навеса, рядом с которым стоит мотоцикл, доносятся нежные звуки скрипки, звучит старинная мелодия, уже слышанная Джельсоминой в тот день, когда шел дождь.

Джельсомина слегка вздрагивает, оборачивается к цирку и с волнением прислушивается. Подходит ближе, через прореху в тенте заглядывает внутрь.

Внутри маленького пустого цирка, под неподвижно висящими под куполом гимнастическими снарядами, играет на скрипке чудаковатый, развинченный юноша. Свою игру он сопровождает странными движениями лица и туловища.

Это он танцевал на канате, протянутом между домами, это его видела Джельсомина в день своего побега.

Джельсомина не может оторвать глаз от прорехи... До нее доносится голос Дзампано:

— Джельсомина!..

Дзампано появляется перед одним из фургонов. Делает ей знаки и зовет:

— Пойди сюда.

Намеревается вернуться в фургон, уверенный, что ему повинуются.

Но Джельсомина, передернув плечами в знак непокорности, не трогается с места.

Дзампано, который уже входил в фургон, краем глаза видит, что Джельсомина не двигается. Он оборачивается и, нахмурившись, смотрит на нее. Повторяет тише, но тоном, не допускающим никаких возражений:

— Пойди сюда.

Не выдержав, Джельсомина торопливо подходит. Но это вынужденное послушание делает ее еще мрачнее и нелюдимее.

Вытирая слезы, она подходит к лесенке перед фургоном, в то время как Дзампано уже исчез в его глубине.

На мгновение останавливается, потом медленно-медленно, отчасти из духа противоречия, отчасти из страха взбирается по лестнице. На пороге опять останавливается, стоит вся напрягшись, словно оцепенев.

Джельсомина входит внутрь фургона. Перед ней первая «комната». Крошечная, чисто прибранная, она отделена ширмой от второй, расположенной в другом конце фургона. Крохотное пространство занято керогазовой печкой, узким столом, несколькими табуретками. Особенно тесно кажется из-за присутствия тут трех человек. Двое из присутствующих — Дзампано и хозяин цирка Коломбайони — выглядят здесь гигантами. Хозяин — полный человек в годах. Хозяйка — значительно меньше его ростом; ей лет под пятьдесят. Судя по ногтям, с которых наполовину сошел лак, она сохранила некоторые претензии на изящество; сейчас женщина варит кофе на печурке.

Коломбайони напоминает чем-то старого клоуна; в нем есть черты патриархального добродушного шута. Он в жилетке, но при шляпе.

Что-то рассказывавший Дзампано прерывает свою речь и, указывая на Джельсомину, говорит:

— Вот и она. (Джельсомине.) Ну, входи.

Джельсомина останавливается на пороге; хозяйка обращается к ней без особой приветливости:

— Входи-входи. И присаживайся.

Джельсомина медленно входит и тут же останавливается. Хозяйка здоровается с ней:

— Здравствуй.

Дзампано говорит Джельсомине тоном отеческого внушения:

— Поздоровайся.

Джельсомина протягивает руку, бормочет:

— Джельсомина ди Констанцо.

Хозяйка и Коломбайони притрагиваются к ее руке.

Хозяйка. Очень приятно.

Коломбайони. Очень приятно.

Хозяйка принимает за свой кофе.

Дзампано непринужденно возвращается к прерванному разговору. Говорит важничая, в расчете на публику:

— Сейчас я ставлю новый номер — стрельба по живой мишени. Пистолет стреляет сжатым воздухом на восемнадцать метров. Мне целятся в грудь с двух метров.

Хозяйка подает чашечку кофе Джельсомине, которая все еще продолжает стоять на прежнем месте, опустив руки, взволнованно рассматривая этот маленький дом на колесах.

Хозяйка. Сделайте одолжение... синьорина...

Застигнутая врасплох, Джельсомина молчит, не зная, брать ли ей чашку.

Дзампано вмешивается, отечески поучает:

— Скажи спасибо.

Джельсомина берет чашечку, бормоча:

— Спасибо.

Дзампано (самодовольно, с чувством превосходства, как бы желая оправдать поведение Джельсомины). Это я всему ее обучил. Когда я ее взял, на ней не было даже башмаков. Это люди не нашего полета. Мы то повидали свет!.. Теперь работает, бьет в барабан, поет, выступает с комическими номерами...

Опустив голову, Джельсомина молча медленно помешивает кофе.

Из-за ширмы, за которой расположена другая «комната», показывает юноша лет двадцати, в фуфайке. Это Паоло, сын Коломбайони, жонглер. Он приветливо здоровается с Дзампано.

Паоло. Эй, Дзампано!.. Как жизнь?..
Дзампано (с обычной для него добродушной важностью). Привет, молодой человек...

Хозяйка представляет его Джельсомине:

— Мой сын!

Паоло (Джельсомине). Здравствуйте.

Джельсомина (негромко). Джельсомина ди Констанцо.
Дзампано (возвращаясь к своему разговору, с напускной непринужденностью). Вот я и подумал: зима на носу, поедем-ка посмотреть, не требуется ли Коломбайони помощник. Уже столько лет мы с ним приятели...

Джельсомина начинает соображать, в чем дело. На несколько мгновений она отрывает глаза от чашечки и смотрит сначала на Дзампано, затем на Коломбайони, который не спеша попивает свой кофе.

Коломбайони (миролюбиво). При условии, если вы будете довольствоваться тем, что соберете сами. Другие актеры работают на таких же условиях — сами собирают деньги... Я никому ничего не плачу.

Дзампано (с показным добродушием). Ну, что там за разговор... Разве мы с вами когда-нибудь ссорились?

Разговаривая, выходит из комнаты.

Из фургона выходят Дзампано и Коломбайони. В заключение хозяйин говорит:

— Тогда можете приступать хоть сегодня вечером. Девушка, чтобы обходить с шапкой, у вас имеется.

Но Дзампано уже не слушает. Глаза его сузились, загорелись ненавистью. Свирепо и мрачно впился он взглядом в юношу, которого мы видели играющим на скрипке в пустом цирке. Теперь он проходит как раз мимо лесенки, на которой они стоят.

Матто — это он, — увидев Дзампано, проявляет преувеличенно радостное удивление:

— Кого я вижу!.. «Руньецо»!..

Затем обращается к Коломбайони:

— Вот хорошо, что приняли его в труппу. В вашем цирке как раз не хватало животных. (И вдруг, подчеркнуто добродушно.) Ладно, я пошутил!.. (Притворяясь серьезным.) Правда, вы хорошо сделали. Ведь он — первоклассный актер. Постоянно разнообразит программу. (К Дзампано.) Надо бы тебе показать номер с «руньецом», давненько уже ты с ним не выступал.

Дзампано медленно спускается со ступенек; останавливается перед Матто. Он в ярости. На щеках у него играют желваки. Медленно он говорит:

— Ты лучше ко мне не приставай. Нам с тобой не о чем толковать! А не то — плохо кончишь... предупреждаю заранее.

Поворачивается к нему спиной и отходит.

Матто, откровенно насмехаясь, повторяет:

— Да я шучу, шучу!..

Джельсомина, встревоженная и обеспокоенная, плетется следом за Дзампано, то и дело оборачиваясь, чтобы посмотреть на Матто.

В тот же день, но спустя несколько часов.

Дзампано хлопчет вокруг своей машины, намереваясь поставить ее на продолжительное время. Выравнивает грунт, устраивает над ней навес и т. д.

Джельсомина развешивает на веревке одежду для просушки. При этом она разглядывает «актеров», которые в этот час начинают снова везд и вперед между фургонами.

Какая-то женщина поет.

Возле фургона, с засученными по локоть рукавами, стирает белье в лоханке девушка-брюнетка. По временам она напевает. Двое или трое ребятшек копшатся в пыли. Недалеко от Дзампано, среди лужайки, восседает перед походной кухней какой-то парень в котелке. Это Шарло. Девушка, стиравшая белье, проходя мимо Джельсомины с большим ведром, приветливо здоровается. На ее лице дружелюбное любопытство.

Девушка. Здравствуйте.

Джельсомина, по-прежнему мрачная и замкнутая, цедит сквозь зубы:

— Здравствуйте.

Девушка приостанавливается, с любопытством ее разглядывает и спрашивает:

— Вы теперь работаете с нами?

Джельсомина. Да.

Девушка. А с чем вы выступаете?

Джельсомина слегка поводит плечами и отвечает:

— Показываю комические номера и бью в барабан... (Потом тише, словно говоря неправду.) Пою... А вы?

Девушка. Я балерина, исполняю танец диких. Участвую и в комических сценках... (С оттенком важности поясняет.) Я дочь синьора Коломбайони. У нас в семье все актеры. Старший брат — жонглер, а они (показывая на ребятшек) делают сальто-мортале и пирамиды.

Джельсомина. А тот, который играет на скрипке?

Девушка. А, Матто, дурачок? Нет, он мне не брат. Он славный парень, но папа называет его бродягой... Он то приходит, то уходит... Вы уже работали на арене?

Джельсомина. Нет.

Девушка (добродушно смеется). Ну так до вечера. Собирается уйти, но задерживается.

Девушка. А как вас звать?

Джельсомина. Джельсомина. А вас?

Девушка (уходя). Аида.

Девушка уходит. Джельсомина снова остается одна...

Джельсомина осторожно входит в цирк. В нем тишина, не видно ни души... Она напряженно и, быть может, несколько испуганно осматривается. Скамейки пусты, пуста арена, усыпанная опилками. Джельсомина медленно поднимает глаза на повисшие в воздухе гимнастические снаряды, недвижимо стоит и рассматривает Матто, который молча легко раскачивается на трапеции и с высоты наблюдает за ней с насмешливой улыбкой. Джельсомина, не мигая, смотрит на него. Ее словно притягивает ласково-насмешливая улыбка, которая струится на нее сверху. Наконец она медленно подается назад.

Но Матто жестом подзывает ее:

— Пойди сюда.

Джельсомина останавливается. Серьезно смотрит на веревку, на которую ей показывает Матто, на трапецию и негромко спрашивает:

— Туда?

Матто. Я обучу тебя ходить по канату.

Джельсомина на минуту серьезно задумывается, потом, отказываясь, машет рукой.

Матто. Боишься?!..

Джельсомина. Дзампано не хочет, чтобы я с вами разговаривала.

Матто. Ты работаешь с Дзампано?

Джельсомина. Да.

Матто. Постеснялась бы!..

Джельсомина, не шевелясь, смотрит на него. Матто молча, словно выполняя серьезную работу, принимается корчить рожи, одну комичнее другой. Джельсомина смотрит на него, не спуская глаз. В конце концов Матто спрашивает:

— Ну?.. Чего же ты не уходишь?..

Джельсомина вздрагивает, задумывается, потом говорит:

— Как называется музыка, которую вы играете?

Матто (с невозмутимой серьезностью). Симфония из макарон в рыбном соусе... А что?

Джельсомина. Можно ее сыграть на трубе?

Матто. Хочешь, научу тебя?

Джельсомина. Очень. Когда я слышу эту музыку, мне хочется плакать. А вот Дзампано...
При мысли о Дзампано она вздрагивает, торопливо идет к выходу. Оборачивается и, тихонько спросив:
— А что у вас с Дзампано?..
Поспешно выходит из цирка.

Вечер.

На арене цирка Матто проделывает свой комический номер с дрессированным ослom. Это действительно остроумный номер, ведется он в быстром темпе. Почти все места, даже самые дальние, заняты публикой, которая с интересом смотрит представление, сопровождая его громкими взрывами смеха.

Джельсомина в своем обычном жалком одеянии (длинное пальто, помятый котелок и т. д.) стоит в форганге. Она восхищена выступлением Матто и безудержно веселится.

Одетый для выступления Дзампано стоит тут же, позади нее; молча с мрачным видом смотрит он на арену.

Матто заканчивает свой номер. Вместе с карликом они направляются к форгангу, наигрывая уже знакомую нам мелодию. Матто играет на крохотной скрипочке, карлик — на трубе, которая больше его самого.

Публика бурно аплодирует. Джельсомина тоже принимается восторженно аплодировать, не замечая, что Дзампано уставился на нее с мрачным и вызывающим видом.

Матто возвращается на арену, кланяется публике, потом снова направляется к выходу.

Дзампано в это время готовится выйти на арену. В проходе он сталкивается с Матто, который, поравнявшись с ним, шепчет ему:

— Ну ты, «Руньцо»!..

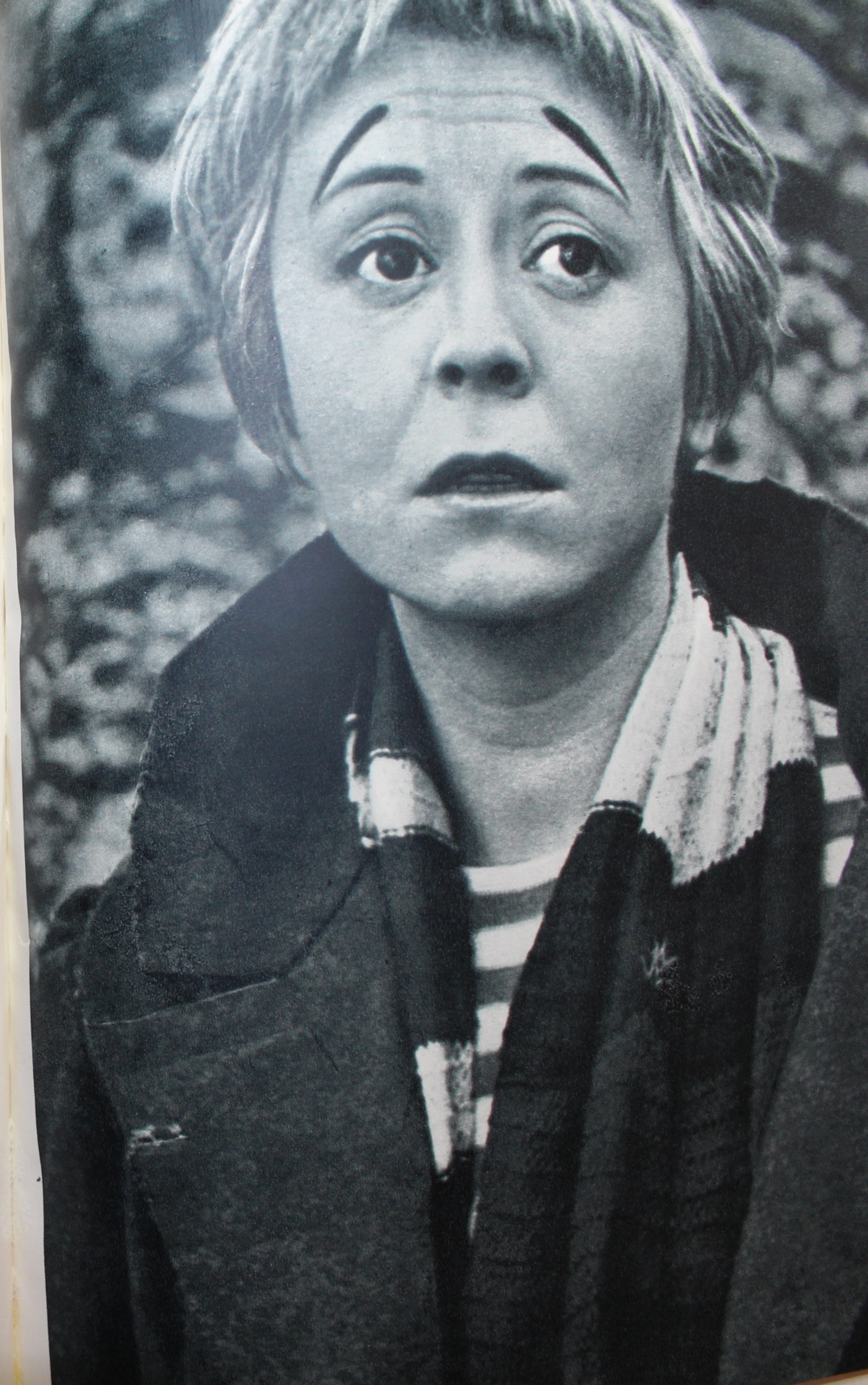
Дзампано вздрагивает; останавливается, оборачивается, но Матто уже исчез.

Голос из репродуктора хрипло объявляет номер Дзампано:

— А сейчас вы увидите новый номер: стальные легкие — Дзампано!

Скрипнув зубами от бессильной злобы, Дзампано в сопровождении Джельсомины выходит на арену. Оба кланяются. Дзампано обходит арену, приподняв над головой цепь и играя мускулами. Затем останавливается и начинает:

— Кусок цепи, крючок размером в восемь миллиметров — все это закаленное железо, почти что сталь!.. Скрепляю цепь на груди. Силой мышц живота и расширения грудной клетки разрываю крючок... Может быть, среди вас найдутся люди, которые подумают, что крючок этот, наверное, треснутый или подпиленный. Минуточку, проверим крючок...

Дзампано протягивает Джельсомине цепь с крючком.

— Прошу вас, синьорина Джельсомина...

Джельсомина берет цепь и, обходя публику, показывает ее.

В это время Матто, все еще в костюме клоуна, перелезает через дощатую перегородку, отгораживающую арену, и усаживается среди публики. Неожиданно Джельсомина оказывается перед ним лицом к лицу.

Появление Матто в публике раздражает Дзампано. Тем более что он видит, с каким интересом зрители смотрят на Матто, смеются, отвлекаясь тем самым от происходящего на арене. Однако Дзампано продолжает, повышая голос:

— Я подкладываю этот кусок тряпки под крючок не для того чтобы он служил мне защитой... При разрыве крючок мог бы вырвать кожу, вызвать появление крови и напугать публику... Поэтому я и подкладываю... единственно поэтому...

Матто корчит испуганную физиономию и негромко восклицает:

— Мапочка!..

Зрители смеются. Стоящий в форганге Коломбайони знаками подзывает Матто. Тот делает вид, что не понимает, притворяясь, что его необычайно интересует выступление Дзампано.

Дзампано, мрачный, стиснув зубы, продолжает:

— Я не говорю вам, что для разрыва крючка требуются две пары волос... Нет, синьоры! Но и необразованный человек — даже и тот, надеюсь, поймет, что для этого необходимо обладать тремя качествами: большой силой, крепкими ребрами и здоровыми легкими...

Обмотавшись цепью, Дзампано лежит на арене. Из всех сил он старается сломать крючок.

Джельсомина, как всегда, бьет в барабан, но взгляд ее на сей раз тревожно перебегает с Дзампано на Матто. Последний все еще сидит среди публики. Неожиданно он говорит:

— Дзампано!.. Тебя к телефону!..

Публика смеется; Дзампано еще крепче стискивает зубы и последним судорожным усилием разрывает крючок. Потом встает, запыхавшийся, потный. Под аккомпанемент льющейся из репродуктора бравурной музыки и аплодисменты публики он привычным движением приподнимает на вытянутой руке разорванную цепь.

Но, вместо того чтобы сделать заключительный полукруг по арене, Дзампано неожиданно устремляется к выходу с арены. Глаза его налиты кровью.

Испуганная Джельсомина следует за ним.

Коломбайони и другие актеры, стоящие в проходе, окружают его, стараются успокоить, удержать. На арену в это время выходит девушка в короткой юбочке и начинает исполнять «танец диких».

Коломбайони (негромко). Не обращайтесь внимания... Я сам сейчас поговорю с этим шалопаем.
Хозяйка. Вы ведь знаете, что он за мальчишка! Не принимайте его всерьез...
Дзампано даже не отвечает.

Темно.
Дзампано выходит из цирка. За ним следуют Коломбайони, хозяйка и Джельсомина. Он сразу же видит Матто, который выбрался из цирка через запасной выход.
Как разъяренный бык, бросается на него Дзампано; Коломбайони едва успевает схватить его за руку. Находившийся поблизости Паоло встает между ними.

Матто отскакивает в сторону; Дзампано бросает в него цепью.
Матто, смеясь, убегает. Коломбайони кричит ему вслед:
— Ты эти шутки брось, бродяга!..
Дзампано тяжело дышит.
Все окружают его. Стараются успокоить.
Коломбайони, хозяйка, Паоло. Правда на вашей стороне! Успокойтесь же!.. Пускай его... Будьте мужчиной!..
С мрачным видом Дзампано цедит сквозь зубы:
— Придет срок — я с ним за все сквитаюсь...

Представление окончилось. Темная площадка перед цирком освещена лишь скудным светом единственной лампочки, подвешенной между цирком и фургонами. Через окошки в фургонах пробивается слабый свет, оттуда доносятся чьи-то голоса.

Вокруг темно и тихо. Возле мотоцикла возятся Джельсомина и Дзампано. Они готовятся ко сну. Молча смывают грим, тушат костер, разведенный рядом с машиной.

Дзампано еще молчаливее и мрачнее, чем обычно. Достав из фургона цепь, с которой исполняет свой номер, он некоторое время задумчиво смотрит на нее; потом отбрасывает ее в сторону и, подавив ярость, влезает в фургон.

Джельсомина не торопится последовать его примеру. Она стоит у фургона озабоченная, потрясенная, боясь заговорить... Наконец спрашивает:

— Почему это он так с вами, а?..
Дзампано медлит с ответом. Наконец из фургона доносится резкий и сердитый голос:
— Давай иди спать... Спать хочется...

Несколько мгновений Джельсомина молчит. Потом продолжает допытываться:

— Ну, а вы, вы-то что ему сделали?..
И вдруг из глубины доносится свирепый и вызывающий голос Дзампано. В нем слышится и накопившаяся ярость и неосознанное смятение:

— Да ничего я ему не сделал!.. Почему я знаю?.. Погоди-погоди, придет время — я с ним сквитаюсь за все сразу... Отродье несчастное... бродяга... сукин сын... Да ну, влезай... спать хочу...

Джельсомина. А кто он такой?..

Дзампано. Сукин сын... Жалкое отродье...

Голос Дзампано внезапно умолкает. Джельсомина все еще поглощена своими мыслями, очень взволнована. Она не забирается в фургон, а медленно усаживается рядом. Немного растерянно, но с любопытством смотрит на раскинувшийся вокруг нее табор, но мысли ее витают далеко отсюда...

И вдруг раздаются звуки скрипки. Это все та же мелодия, которая как бы растворяется в тишине ночи.

Джельсомина слушает с восхищением. Ее охватывает то глубокое волнение, какое с первого раза вызвала в ней эта музыка. Глаза ее наполняются слезами.

Словно под действием чар, она встает и направляется туда, откуда слышатся звуки песни.

За цирком, в небольшом кольце света, «обосновался» Матто. Возле своей помятой малолитражки он развел костер и, сидя перед ним на скамеечке, играет на скрипке.

Джельсомина останавливается поодаль, пристально рассматривает его. Молчит.

Матто видит ее. На его лице появляется насмешливая, но, в сущности, добродушная улыбка.

И, так как Джельсомина продолжает стоять, наблюдая за ним, он на мгновение перестает играть, делает ей рукой знак, означающий, чтобы она скорее ушла прочь, во избежание беды.

Этот жест как бы приводит ее в себя. Она уходит, оборачиваясь, поглядывая на Матто, который продолжает играть.

Подходит к фургону и быстро залезает в него.

В фургоне Джельсомина свертывается в комочек на своем месте. Дзампано, похрапывая, спит глубоким сном. Джельсомина в темноте смотрит на него. Снаружи доносятся приглушенные звуки скрипки.

Яростная ссора между Дзампано и Матто. Дзампано в тюрьме. Ночной разговор Джельсомины и Матто

День.
Джельсомина с ведром воды направляется к мотоциклу. Она доходит до фонтанчика на дороге, пересекает площадку перед цирком. Брезент циркового шатра закатан. Внутренность цирка открыта. Джельсомину тянет туда. Она с любопытством смотрит на тренировочные упражнения, которые проделывают артисты на арене. Замедлив шаг, девушка останавливается. Смотрит.

В одной стороне арены Паоло наблюдает за детьми, которые занимаются кульбитами, в другой — Матто ведет оживленный разговор с Коломбайони. Заметив Джельсомину, он говорит:

— Вот и она...

И рукой подзывает ее:

— Пойди сюда...

Джельсомина колеблется. С опаской смотрит в сторону мотоцикла... Дзампано рядом с машиной не видно... Джельсомина снова поворачивается к Матто, который опять зовет ее.

Голос Матто. Иди же сюда!..

Джельсомина с ведром в руке осторожно входит на арену. Останавливается в нескольких шагах от Матто и Коломбайони. Матто протягивает ей трубу и без дальних объяснений говорит:

— Держи-ка.

Видя, что Джельсомина в нерешительности, не знает, что выбрать — ведро или трубу, — Матто берет у нее из руки ведро, ставит его на землю и, обращаясь к Коломбайони, продолжает:

— Я множество раз выступал с этим номером, когда у меня была партнерша. Он всегда пользовался успехом.

Поворачивается к Джельсомине, сует ей трубу в рот, предлагает:

— Ну-ка попробуй... Дуй.

Джельсомина нерешительно дует в трубу. Раздается фальшивый, режущий ухо звук. Она испуганно вздрагивает.

Матто. Превосходно. У тебя большие музыкальные способности. — Теперь постой. Я играю на скрипке...

Наигрывает мелодию. Перестает.

Матто. Когда я доиграю до этого места, ты потихонечку подойди ко мне сзади... Выйдешь ты отсюда... И дуй в трубу, как только что делала. Толкает ее на указанное место:

— Ну-ка, попробуй.

Джельсомина делает несколько шагов... останавливается, оборачивается... Она в замешательстве и тревоге.

Джельсомина. Не могу.

Матто. Почему?..

Джельсомина. Дзампано не велит.

Матто (к Коломбайони, иронически, с видом жертвы). Ну, что?.. А вы еще говорите, будто я виноват!..

Коломбайони в затруднительном положении. Он спрашивает у Джельсомины:

— Где Дзампано?.. Иди, позови его. Я сам с ним переговорю.

Джельсомина. Его нет. Ушел в город.

Коломбайони (теряя терпение). Ладно, поговорю с ним потом!.. Он тебя не съест!.. Мы здесь — одна семья, работаем сообща... Все, чему ты обучишься, принесет заработок... верно ведь?..

Матто снова толкает ее к выходу:

— Хорошо запомнила?.. Когда я дохожу до этого места...

Повторяет мелодию. Водворяет Джельсомину на указанное место, сам возвращается на середину арены и поворачивается к ней спиной.

Матто. Подожди...

Матто играет на скрипке с преувеличенным чувством, прикрыв глаза и согнувшись.

Джельсомина слушает его с величайшим вниманием, хотя она и не избавилась еще от своей нерешительности. Коломбайони подает ей знак.

Коломбайони. Иди...

Джельсомина крадется к Матто сзади; тот подходит к условленному месту, перестает играть; но труба молчит. Он оборачивается посмотреть, где же Джельсомина, а она, стоя в нескольких шагах, молча смотрит на него. Отовсюду раздаются подбадривающие голоса.

Голоса. Ну!..

— Да ну...

— Давай же!..

Джельсомина торопливо дует в трубу, выжидаяще смотрит на Матто. Снова раздается фальшивый звук трубы.

Все смеются; Матто в знак одобрения с преувеличенной серьезностью кивает Джельсомине.

Матто. Ай да молодец! Поведись с Дзампано — ума наберешься. Ступай назад. И не жди, пока я кончу. Сразу же начинай играть. Джельсомина в нерешительности. Она чувствует, что ее разыгрыва-

ют, но и сама начинает забавляться, входит во вкус. Бегом возвращается на свое место, готовая повторить все сначала...

Матто поворачивается к ней спиной... начинает играть... Джельсомина подкрадывается к нему сзади и на сей раз в нужный момент извлекает из трубы тот же рев.

Цель достигнута: всеобщий смех. Джельсомина очень довольна собой и веселится вовсю. Матто неожиданно продолжает:

— Все это ты должна повторить трижды. На третий раз я пойду по кругу, а ты — за мной, и мы оба будем играть одно и то же. Я тебя сейчас научу, как играть. Понятно?.. Попробуй-ка... Положи один палец сюда... Другой — сюда... Теперь дуй.

Джельсомина дует в трубу, которая теперь издает почти музыкальный аккорд.

Матто. Еще разок.

Джельсомина повторяет. Звуки становятся более гармоничными.

Матто. Повторяй это непрерывно и ходи вокруг арены... Начали.

Джельсомина принимается шагать по арене, повторив два или три раза один и тот же аккорд. Вдруг труба выскальзывает у нее из рук. Она испуганно останавливается и оказывается перед Дзампано, который мрачно и зло оглядывается вокруг.

Появление Дзампано Матто встречает фальшивым аккордом на скрипке. Коломбайони спрашивает:

— В чем дело, Дзампано?.. Она работает... Это я ей велел...

Дзампано (свирепо). Она здесь работает в паре со мной.

Матто берет на скрипке еще один режущий слух аккорд.

Матто. Зум-зум...

Коломбайони. Простите, Дзампано, но мне это непонятно... Я вас искал... Вы были в городе, и поэтому я не мог предупредить вас заранее... В этом нет ничего дурного... мы здесь все работаем сообща...

Дзампано. С ним она работать не станет!..

Матто повторяет свой аккорд.

— Зум-зум...

Готовый наброситься, Дзампано круто поворачивается к нему. Вызывающе, с угрожающим видом смотрит он на юношу.

Дзампано. Ты это у меня брось, слышишь!..

Матто. А я молчу. Ты же мне не велел разговаривать.

Дзампано (внезапно вспыхнув, едва сдерживаясь, исступленно). Я ей приказываю. Я говорю ей: с тем работай, а с этим — нет. С таким ублюдком она работать не будет — и баста. Потому что он бродяга, который вздумал надо мной издеваться... Я с таким не работаю (поворачивается к Матто и угрожающе приближается к нему), и посмей только еще раз сунуться, бродяга...

Видя, что Дзампано наступает на него, Матто, побледнев, в немой ярости от брани Дзампано, неожиданно нагибается, хватая ведро, оставленное Джельсоминой, и выплескивает воду прямо в лицо своему противнику.

Раздаются испуганные возгласы, призывы остановиться. Помедлив в нерешительности, Коломбайони бросается вперед, чтобы предотвратить неизбежное. Дзампано, задыхаясь, еле переводя дух от ярости, вытаскивает из кармана нож. Кругом кричат.

Дзампано сломя голову бросается на Матто, который ловким прыжком перепрыгивает через перегородку и укрывается между скамьями. Неуклюжий Дзампано гонится за ним. Под крики присутствующих актеров они мечутся среди скамеек, толкают их, опрокидывают. Наконец Матто выбегает из цирка.

С пеной у рта, глухо рыча, Дзампано бросается следом.

Коломбайони тщетно пытается его остановить.

Преследуя Матто с зажатым в руке ножом, Дзампано выбегает из цирка. Противники натываются на других актеров, которые сбегаются на шум и в испуге останавливаются.

Матто (кричит). Держите его!.. У него нож!..

Убегает. Дзампано преследует его... На улице, примыкающей к площади, где расположился цирк, он почти настигает юношу.

Прохожие в испуге шарахаются в сторону. Злоба туманит голову Дзампано. Увидев, что Матто бросился в трактир, он всем телом наваливается на дверь и врывается туда.

Трактир.

Мимо изумленных, встревоженных посетителей, которые с криком, с испуганными возгласами вскакивают из-за столов, бежит Матто. Вслед за ним, с ножом в руке, мчится преследующий его Дзампано.

Крики посетителей, стук опрокидываемых стульев и столов...

Матто (кричит). У него нож!..

Швыряет под ноги Дзампано стул и, проскользнув к кухонной двери, скрывается за ней. Подпирает ее с другой стороны спиной.

Дзампано бросается к двери. С силой нажимает на нее плечом, стараясь ее вышибить. Трактирщик и посетители кричат, пытаются оттащить его от двери.

Дзампано угрожающе рычит:

— А ну, пусть попробует кто-нибудь меня тронуть!..

Снова налегает на дверь. Дверь трещит, поддается. Крики становятся громче.

Неожиданно среди всей этой суматохи появляются двое полицейских. Они решительно расталкивают локтями толпу, пробираясь к Дзампано.

День клонится к вечеру.

Коломбайони с помощью Шарло, Аиды и детей разбирают цирк. Выносят скамьи и доски и укладывают их в один из фургонов. Возле цирка появляется Джельсомина. Ее привез на велосипедной раме Паоло, сын Коломбайони.

Паоло останавливается неподалеку от отца; Джельсомина сходит с велосипеда. Она молчалива, напугана, растерянна.

Коломбайони явно не в духе. Не прерывая работы, он бросает на сына вопросительный и сердитый взгляд. Паоло, прислонив велосипед к столбу, сообщает:

— В полиции сказали, что пока ничего не известно. Он задержан.

На лесенке фургона появилась хозяйка. Она спрашивает:

— Не выпускают?

Паоло. Сказали, что пока его задержат.

Хозяйка издает восклицание, выражающее одновременно и сострадание и страх. Смотрит на Джельсомину, которая по-прежнему молчит.

Коломбайони говорит, обращаясь к сыну:

— Ну-ка, иди помогать. Уже ночь... Нам нельзя терять ни минуты.

Обращаясь к Джельсомине, с негодованием и укоризной добавляет:

— В цирке Коломбайони еще никогда и ни с кем таких казусов не бывало. Коломбайони никогда не приходилось иметь дело с полицией.

Джельсомина (чего-то стыдясь, но желая восстановить истину). Это тот...

У Коломбайони все еще дурное настроение. Как будто не слыша Джельсомины, он продолжает, ни к кому не обращаясь:

— Сюда, в цирк, приходят полицейские и уводят людей в наручниках! Нет, такого позора у меня еще не бывало!

Ворча уходит, унося доски. Аида, подойдя к Джельсомине, спрашивает ее:

— Как же ты теперь?

Расстроенная Джельсомина, направившаяся было к своему мотоциклу, останавливается, растерянно пожимает плечами. Хозяйка участливо предлагает:

— Может быть, хочешь поехать с нами... Когда его выпустят, он явится за тобой.

Это предложение потрясает Джельсомину. Аида энергично вмешивается в разговор. Говорит с явной неприязнью к Дзампано.

Аида. Верно... Знаешь, пускай он сам тут выкручивается... Не велика потеря, если он даже и не приедет за тобой... Беда небольшая!..

Хозяйка. Ну, что ты станешь делать одна-одинешенька? Было бы хоть известно, когда его выпустят...

Джельсомина взволнована... Она уже готова поддаться соблазну; смотрит то на Аиду, то на хозяйку... Наконец нерешительно спрашивает:

— Ну... а мотоцикл?..

Хозяйка. Отвезем в участок, пусть у них о нем голова болит.

Джельсомина. А где же я буду спать?..

Аида. Приходи спать ко мне. Место найдется.

Джельсомина, не веря своим ушам, совсем растерялась. Она недоверчиво смотрит на домик на колесах. Переспрашивает:

— В вашем фургоне?..

Работавший поблизости Коломбайони резко окликает Аиду:

— Шевелись, шевелись!.. Давай пошевеливайся!.. Нам еще нужно все разобрать... Завтра в четыре утра тягач будет уже здесь!..

Аида беспрекословно повинуется. Коломбайони резко говорит Джельсомине:

— В конце концов, делай как знаешь; хочешь ехать с нами — езжай; хочешь ждать его — жди; только скажи ему, что у нас он больше работать не будет. Ни он, ни тот, другой, у Коломбайони больше никогда работать не будут!

Вновь принимается за дело.

Взволнованная, не зная, как ей поступить, неподвижно стоит Джельсомина.

Поздний вечер.

Там, где недавно был цирк, стоит лишь большой столб, оголенный и исцарапанный.

Все уже спят. Фургоны, мотоцикл со своим прицепом, старая малолитражка Матто, разбросанные по площади, кажутся в темноте обломками судна после кораблекрушения.

Ночь.

На своем обычном месте, на соломенном тюфяке, лежит Джельсомина. Она не спит. Широко раскрытые глаза устремлены в темноту. Видно, что в ее голове происходит напряженная работа. По временам ее взгляд останавливается то на притихших фургонах, то на пустом месте рядом с ней, где спал Дзампано.

Неожиданно снаружи доносится шепот.

Голос Матто. Джельсомина... Джельсомина слегка вздрагивает; порывисто поднимается.

Рядом с мотоциклом стоит Матто.
Матто (негромко). Ты спала?
Джельсомина смотрит на него боязливо и вместе с тем выжидательно,
с любопытством. Так же тихо отвечает:

— Нет.

Медленно оглядывается, ища глазами Дзампано.

Матто. Он еще в полиции... Но, может быть, завтра его выпустят.

Джельсомина. Завтра?

Матто. Может быть, завтра утром.

Джельсомина больше ничего не спрашивает. Она смотрит на Матто,
а он оглядывается и, указывая на разобранный цирк, говорит, медленно
свертывая самокрутку.

— Сматываются.

Джельсомина (без враждебности глядя на него). У Дзампано
была работа... Это все вы виноваты.

Матто тихонько смеется, глядя на свои пальцы, которые все еще
крутят папиросу.

Джельсомина. А почему вас уже отпустили?

Матто, перестав вертеть самокрутку, по-прежнему не глядя на
Джельсомину, серьезно отвечает:

— По закону — кто кого надует. (Угрюмо.) Вина была моя, да
нож-то оказался у него.

Сплевывает, сует свернутую папиросу в рот и скороговоркой добро-
душно предлагает:

— Давай я тебе подвезу мотоцикл к участку.

Закуривает и неожиданно весело, без всякой неприязни добавляет:

— Это ему на пользу!... Он-то еще поживет, а я вот скоро околею.

Бросает спичку. Подходит к мотоциклу. Оторопевшая, растерянная
Джельсомина спрыгивает на землю.

Джельсомина. Синьор!.. Синьор!..

Матто, закинувший было ногу на седло, оборачивается к ней.

Матто. Я подвезу тебя до полиции... Чего ты будешь здесь тор-
чать? Они уезжают. А он как выйдет, так сразу тебя и увидит.

Джельсомина стоит перед ним совершенно растерянная.

Джельсомина. Погодите...

Матто выжидательно смотрит на нее. Оба молчат.

Охваченная мучительной нерешительностью, которая усиливается от
безмолвного и насмешливого ожидания Матто, Джельсомина внезапно
мрачнеет, глаза ее наполняются слезами. Пожимает плечами.

Молчит... Мгновение спустя, в мучительной нерешительности, словно
самой себе, говорит:

— Поеду ли с ними... вернусь ли к Дзампано — все равно... Ну, что
изменится, если я поеду с ними? Кому я нужна? (После короткой паузы,

с горечью и вместе с тем с невольным комизмом, едва сдерживаясь, что-
бы не расплакаться.) Ох, до чего ж надоело мне жить на белом свете...

Матто наблюдает за ней. Она все больше смешит его и в то же время
вызывает изумление и участие. Он прерывает ее вопросом:

— Неужели они пригласили тебя поехать с цирком?

Его смех не обижает Джельсомину. Она интуитивно догадывается о
его истинной причине. Негромко отвечает:

— Да...

Матто молча слезает с мотоцикла и стоит, прислонившись к нему.
Разглядывает кончик разгоревшейся самокрутки, рисует ею в темноте
по воздуху какие-то круги.

Заметив, что глаза Джельсомины тоже прикованы к этой светящейся
точке, описывающей круги, он вдруг делает движение, как будто хочет
воткнуть папиросу ей в глаз. Потом засовывает ее себе в рот и спокойно
говорит:

— Твоя сестра была не такой, как ты. Да и та, которая была у него
до твоей сестры.

Джельсомина удивленно смотрит на него. Вполголоса спрашивает:

— Вы знали Розу?

Матто не отвечает. Позванивая деньгами в карманах, он в свою
очередь спрашивает:

— Как это ты связалась с Дзампано?

Джельсомина пожимает плечами, молчит. Матто тут же продолжает:

— Мне-то, собственно говоря, какое дело до этого?!

Джельсомина. Он дал моей матери десять тысяч лир... На
семеро сестер... те еще маленькие...

Матто. Так что же ты, потом не могла убежать? Пожалела его
что ли?

Джельсомина, сломленная собственным бессилием, говорит с горечью:

— Убегала я...

Кажется, что Матто ее не слушает, поглощенный монетой, которую
он вынул из кармана и прилепил у себя на лбу.

Матто. Гляди-ка!

Чтобы монета упала, он морщит лоб и на лету подхватывает ее рукой.
— Видала? Падает, не задев за нос. А ну, попробуй! У тебя так
получится?

Джельсомина, покоренная тоном Матто, сразу же увлекается предло-
женной игрой. Матто надавливает ей большим пальцем на лоб, делая
вид, что прилаживает монету, которая на самом деле зажата у него между
пальцами.

Матто. Ну-ка.

Джельсомина серьезно, с усилием, несколько раз подряд, все боль-
ше напрягаясь, морщит лоб, дивясь, почему монета не падает. Матто

смеется. В конце концов ее осеняет догадка. Она подносит руку ко лбу. Смотрит на Матто и, как ребенок, разгадавший фокус, хватается его за руку, ища монету.

Джельсомина. Она здесь!...

Матто подбрасывает монету, ловит ее и, опуская в карман, спрашивает:

— Ты хорошо умеешь стряпать?

Джельсомина смотрит на него, откинув голову.

Джельсомина. Кто, я?..

Матто. Ты хорошо стряпаешь?

Джельсомина (сконфуженная). Я?.. Нет...

Матто. А что ты умеешь делать?.. Поешь?.. Играешь?...

Джельсомина (еще более смущенная и пристыженная). Я?..

Немножко...

Матто. Тебе больше нравится заниматься любовными делишками?.. Что ты вообще умеешь?

Джельсомина, вконец пристыженная и смущенная, насупившись, молчит. Матто смотрит на нее с неодобрением:

— Ты к тому же уродина.

Джельсомина огорчена, но Матто словно не замечает этого. Без всякого перехода он продолжает все тем же небрежным тоном:

— Ну так что же, поехали?.. Или останешься здесь, с ними?..

Джельсомина молчит, подавленная сознанием собственного ничтожества и бесполезности. Медленно присев на корточки, она опускает голову и, прислонившись к мотоциклу, застывает в этой позе.

Матто молча смотрит на нее. Он больше не смеется, не разговаривает.

Джельсомина (едва слышно). И зачем только я живу на белом свете?

Матто долго не отвечает. Потом спокойно спрашивает:

— А со мной ты бы поехала?

Джельсомина медленно поднимает глаза. Но Матто уже смеется и добавляет:

— Я бы тебя все равно не взял...

Пару раз сплевывает в сторону, потом тихо говорит:

— Дзампано — животное. (Со спокойным убеждением, как будто констатируя бесспорный факт.) Я всегда буду его злить. (На мгновение задумывается и повторяет.) Всегда. Мне с ним нечего делить. Но с первого раза, как его увидел, так и начал разыгрывать. Сразу же. (Умолкает на минуту. Утверждая.) Он не животное... (С невольным чувством превосходства.) Он не думает...

И вдруг, как принято у простонародья, нараспев, с чувством начинает декламировать:

Кто не думает о боге —
Точно камень на дороге.
Жизнь того трудна без меры,
Кто не знает доброй веры.

Оба на минуту замолкают. Потом Джельсомина, удрученная, задумчиво и тихо роняет:

— Верно, он не умеет думать...

Матто. Собаки и те лают, когда им захочется что-нибудь сказать...

Джельсомина (все более удрученно). Да... (Неожиданно.) Бедняжка...

Матто с недоумением смотрит на нее.

Джельсомина. Таким уж он уродился... Он тут ни при чем.

Матто. Да, он ни при чем...

Джельсомина (страшно удрученная, повторяет). Таким уж уродился!

Матто. Он-то ни при чем, а вот если бы не ты, кто бы тогда был с ним?

Джельсомина, подавленная, все еще молчит. А Матто уже вошел во вкус. Он снова декламирует:

Точно в море волна за волной,
Ринулись воины в яростный бой;
Пришпорив коней, грозно скачут они,
Их тени мелькают при свете луны,
Смелы и готовы врага отразить,
Иль мертвыми пасть, иль в бою победить.

Прервав чтение, говорит просто, но не без бахвальства, присущего самоучкам:

— Человек я неученый, но книг немало прочел. Поверь, на свете нет ничего бесполезного... Вот видишь камешек? Польза есть от всего... и от него тоже...

Джельсомина (внимательно смотря на камешек, который Матто держит в руке). Какая же от него польза?

Матто. Вот уж чего не знаю, того не знаю. Если бы я знал, отгадай, кем бы я был?

Джельсомина. Кем?

Матто. Иисусом Христом. Если бы человек все знал... когда рождается, когда умрет!.. Да кому же это известно? Я не знаю, зачем этот камень, но знаю, что и он нужен... Если никому не нужен этот камешек, то, значит, никому не нужны и звезды... Вот что я думаю...

Говоря это, Матто, не переставая, играет камешком. Как настоящий жонглер, он то прячет его, то извлекает из-под пальцев. Смеется; внезапно вскакивает на ноги и делает вид, что изо всех сил забрасывает его в небо.

Матто. Сейчас расколю луну!.. (Свистит, подражая полету камня.) Глаза Джельсомины невольно устремляются на диск луны. А Матто, обернувшись к ней, продолжает:

— Ты некрасивая, стряпать не умеешь, ничего не умеешь, а Дзампано тебя держит! Такой, как Дзампано! Значит, ты ему нужна! Это уж судьба!

Молчание... Вдруг Джельсомина раздражается тихим нервным смехом, в котором звучит облегчение. Словно с нее сняли тяжелое бремя, на которое она никогда не жаловалась, но которое ее постоянно давило. Она заговорила не то весело, не то тревожно, с трудом подбирая слова, чтобы выразить свои мысли:

— Возьму-ка я спички да устрою ему пожар. Устрою, думаю, ему пожар. Пока он сидит за рулем, подожгу тут внутри, и все сухое — матрац, одеяла — сгорит... Будет ему наука... Ведь я не сказала: «Нет, с таким не поеду». Он дал десять тысяч лир, и я стала работать... А он дерется! (Отчетливо выговаривая.) Думать не умеет... Я ему говорю, а он хоть бы что... Так какая же от него польза?.. Да я ему рано или поздно подсыплю яду в суп. Или нет... Возьму спички и все пожгу... А не то наложу на себя руки. Какая это жизнь? Кто же тебя заставляет?.. Все равно состаримся... Кто знает, как помирать придется, кто знает, что потом... Что с ними поехать (указывая на фургоны Коломбайони), что к Дзампано вернуться, — все одно... Значит, от меня никакой пользы...

И вдруг, обрадовавшись сделанному ею открытию, она делает кульбит и усаживается на земле немного поодаль. Говорит чуть-чуть нараспев:

— Если не я, то кто же тогда?

Снова вздрагивает от смеха. От избытка радости неожиданно встает и несколько раз подряд снова кувыркается.

Слегка запыхавшись, растрепанная, улыбаясь, поднимается и встает перед Матто, который, не удивляясь ее поведению, почти не замечая ее, стоит, заложив руки в карманы, и смотрит на фургоны и разобранный цирк. Повинуясь какой-то своей мысли, он показывает рукой на фургоны и спрашивает не то угрюмо, не то подозрительно:

— Что они говорили? (Поясняет.) Обо мне.

Джельсомина. Коломбайони сказал, что не возьмет больше на работу никого из вас — ни вас, ни Дзампано.

Матто пожимает плечами, отвечает с выдающей его профессию шутливой гордостью, за которой он прячет охватившее его чувство одиночества:

— Надо еще, чтобы я захотел к ним вернуться! Я им помогаю деньги зарабатывать, а они мне вовсе не нужны. Я прихожу и ухожу... У меня такая работа... Где бы я ни выступал — всегда полные сборы... Я никогда долго не задерживаюсь на одном месте: и люди мне надоедают, да и свобода я люблю. (Почти радостно.) Таким я и на свет уродился — ни кола, ни двора.

Джельсомина подавлена не столько смыслом его слов, сколько тоном, каким они произнесены. Она сочувственно спрашивает:

— А ваша мама?

Матто медлит с ответом. Потом говорит с показной развязностью, за которой скрывается горькая печаль:

— Когда я помру, никто об этом даже не узнает. Случись умереть в каком-нибудь безлюдном месте, — годы пройдут, пока меня хватятся... Через год, глядишь, кто-нибудь и спросит: «Где Матто? Ты его не встречал?» — Нет, а ты? — «Кто его знает, где он. Кочует себе с места на место».

Эти слова почему-то заставляют Джельсомину вспомнить ранее сказанное Матто. Она перебивает его:

— Почему вы сказали, что скоро околеете?

Некоторое время Матто смотрит на нее молча. Может быть, он не сразу понимает, о чем идет речь. Джельсомина настаивает:

— Вы недавно сказали: «Скоро околею».

Матто пожимает плечами.

Матто. Я это вбил себе в голову. (Рукой показывает, как человек стремительно летит вниз.) Наступит день — сломаю хребет, и никто обо мне не заплачет...

Говоря это, Матто садится на мотоцикл. Обернувшись, добавляет:

— Я из Касагранде.

Заводит мотор. Объясняет:

— Выражение «из Касагранде» у нас дома означало — подкидыш. Садись.

Напряженно слушавшая Джельсомина вздрагивает.

Взволнованная, охваченная нерешительностью, она не трогается с места. Наконец, все еще колеблясь, заставляет себя двинуться.

Матто. Ну, садись; скоро рассветет, мне пора уезжать.

Джельсомина карабкается в фургон. Мотоцикл трогается еще до того, как она успевает туда залезть, и Джельсомина скатывается внутрь.

Слышен хохот Матто... Мотоцикл удаляется.

Внутри фургона Джельсомина, усевшись на свое обычное место, поправляет волосы, поворачивается, чтобы взглянуть на Матто, сидящего на месте Дзампано за рулем. Она очень возбуждена.

Матто насвистывает свою любимую мелодию.

Ночь. Небольшая унылая, скудно освещенная площадь на окраине города. Полицейский участок. Подъезжает мотоцикл с фургоном. Медленно направляется к прицепу. Не вылезая, Джельсомина смотрит, как он подходит.

Она страшно взволнована. Матто торопливо говорит:

— Прощай.

Джельсомина. Прощайте. Протягивает ей руку. Они обмениваются рукопожатием. Но, когда Матто отнимает руку, Джельсомину охватывает беспокойство, почти детский испуг, как ребенка, которого мать оставляет одного в школе.

Джельсомина. Уходите? Матто улыбается. Насмешливо, но вместе с тем добродушно он спрашивает у нее:

— Хотела бы ты поехать со мной?

Охваченная неясной тоской, Джельсомина медлит с ответом, потом говорит:

— Мне бы ужасно хотелось.

Матто (спокойно, не вынимая рук из карманов). А мне вот не хочется возиться с девушкой... Мне это ни к чему.

Вынимает руку из кармана и протягивает ей медальончик:

— На! (Грубовато поясняет.) ...На память. Прощай...

Джельсомина. Прощайте.

Не оглядываясь, Матто уходит. Джельсомина, сжимая в кулаке медальончик, следит за ним глазами.

Та же городская окраина... Полицейский участок...

Светает... Время от времени грузовики и мотоциклы в разных направлениях пересекают маленькую площадь, еще безлюдную и сумрачную.

Джельсомина сидит на подножке мотоцикла. Она так поглощена своими мыслями, что, по-видимому, не замечает времени.

Вдруг бессознательно поднимает голову и пристально смотрит на другую сторону площади — на крыльцо полицейского участка... Там появляется Дзампано. У него суровое и мрачное лицо. Сделав несколько шагов, он в нерешительности останавливается. Чтобы выиграть время и принять свой обычный «важный» вид, медленно зажигает сигарету.

Джельсомина молча смотрит на Дзампано. Ждет, не обернется ли он в ее сторону. Не спуская глаз, она словно изучает его.

С показной развязностью Дзампано швыряет спичку и, засунув

руки в карманы, медленно идет в ту сторону, где его ждет Джельсомина. Разумеется, ему даже в голову не может прийти, что его фургон в двух шагах. Поэтому-то он и не заметил его или не узнал.

Джельсомина понимает это. Очнувшись, она встает и громко зовет:

— Дзампано!..

Дзампано останавливается. Удивленно и подозрительно осматривается. Видит неподалеку Джельсомину и свой мотоцикл. Несколько мгновений с явным изумлением и растущим недоверием молча смотрит на девушку. Все так же ничего не говоря, медленно, со свирепым видом, подозрительно поглядывая то на мотоцикл, то на Джельсомину, приближается. Останавливается перед Джельсоминой, испытующе поглядывая на нее. Джельсомина тоже пристально смотрит на него; она очень взволнована, но все же пытается улыбнуться.

Джельсомина. Они спросили, поеду ли я с ними... мотоцикл хотели сдать в полицию...

Дзампано еще несколько мгновений молча смотрит на нее, на мотоцикл. Недоверчиво спрашивает:

— Кто его привел сюда?

Какой-то миг Джельсомина колеблется, потом лжет, отведя глаза в сторону:

— Паоло...

Дзампано. Они уже уехали?

Джельсомина. Да... (Преодолев робость.) Не хотят больше, чтобы вы у них работали (и сразу), ни вы, ни тот, другой!

Лицо Дзампано передергивается. Он сплевывает, молча вытаскивает из фургона стеганую куртку, в которой обычно сидит за рулем. Надевает. Потом неожиданно, с тем же чувством недоверчивого удивления снова разглядывает Джельсомину. Джельсомина пытается выдавить из себя бледную улыбку, которая остается без ответа. Дзампано, медленно застегивая куртку, опять устремляет взгляд в пустоту.

10

Джельсомина и Дзампано исполняют «номер с саблей». Море. Тоска Джельсомины, снова вспоминающей о своем доме... На трубе она исполняет старинную песню.

День. Сельская площадь.

Сутолока, какая обычно бывает на рынке в базарный день.

В одном из уголков площади Дзампано и Джельсомина дают свое представление. Дзампано веревкой связывает Джельсомину, сидящую на табуретке.

Дзампано (обращаясь к зрителям). А сейчас вы увидите единственный способ обращения с женщинами, когда они вас любят и вы им платите тем же.

Дзампано пальцами проводит по горлу Джельсомины, словно хочет сказать, что охотно бы зарезал ее. Кое-кто из публики смеется. Смеется и Дзампано.

Дзампано (связывая Джельсомину). Синьоры, когда женщина выходит замуж, она связывает мужчину на всю жизнь. Чтобы отплатить ей тем же, мужчине пришлось бы связывать ее не меньше пятнадцати раз в день, как это делаю я. И любая жена должна быть рада, что муж обращается с ней так же, как обращаюсь я... А сейчас я покажу вам это на практике, только сначала попрошу, чтобы синьора, любящая своего мужа, подняла руку!..

Дзампано смотрит в публику. Все смеются.

Дзампано. Что-то никто не поднимает руки? (Показывает на Джельсомину.) А теперь смотрите, как она связана! Я уверен, нужно немало ловкости, чтобы вырваться из таких уз. И, однако, сейчас вы увидите, как синьорина в одно мгновение освободится от своих уз... Но и это еще не все...

Дзампано берет сабли.

— Вот я устрою вокруг нее ограду из сабель.

Расставляет сабли вокруг Джельсомины.

— Теперь смотрите: она связана, но тем не менее эти сабли, одна за другой, отскочат от ее движений. Опасность номера именно в этом и состоит.

— Для нее это самый опасный момент. Ведь сабля может воткнуть ей в грудь или в горло... ну, и прощай... а мне тогда одна дорога — в тюрьму... Да, синьоры... С вашего позволения, прежде чем начать, я обойду публику... если, конечно, вы считаете, что номер стоит пять или десять лир!.. Кто может дать — спасибо, а кто не может — все равно спасибо!

Дзампано начинает обходить зрителей. Поворачивается к Джельсоmine.

— Надеюсь, что вам, синьорина, достаточно удобно?...

Все смеются.

Джельсомина. Да, синьор Дзампано!

День клонится к вечеру.

По дороге мчится мотоцикл. Джельсомина, как всегда, забила глубоко в фургон, безвольно покачиваясь от толчков на ухабах. Глаза ее прикрыты, словно в дремоте... Она вся во власти той сосредоточенной замкнутости, которая не покидает ее после разговора с Матто.

Вдруг мотоцикл останавливается.

Джельсомина вздрагивает, машинально, по привычке, выглядывает из фургона. Неожиданно лицо ее преобразается: она видит голубое море, до нее доносится шум прибоя.

В сильном возбуждении Джельсомина высовывается из фургона...

Морское побережье.

Солнце уже опускается к закату.

Дорога, на которой появился мотоцикл, вьется среди дюн прямо к бескрайнему морю — блестящему в сиянии солнечных лучей. Дзампано уже слез с седла и медленно направляется к воде. Джельсомина, взволнованная, соскочив на землю, бросается бежать по прибрежной дороге. Останавливается. Направляется в другую сторону. Снова останавливается. Осматривается, будто принохивается, как собака, когда та пытается узнать знакомое место. Она вся дрожит, тяжело дышит, хотя уже и поняла, что этот берег ей незнаком.

Возвращается к фургону, снова бросается к морю... Раньше Дзампано добегаёт до воды и с разбегу, прямо в обуви, входит в воду. Негромко вскрикивает. Выбирается на песок и стоит неподвижно, устремив взор на бесконечную сверкающую водную гладь.

Подходит к воде Дзампано. Снимает ботинки, засучивает штаны, медленно входит; когда вода доходит ему до икр, он останавливается. Некоторое время оба молчат.

На побережье не слышно ничего, кроме шума прибоя и ветра.

Потом Джельсомина нерешительно, словно во сне, спрашивает:

— В какой стороне мой дом?

Дзампано на мгновение задумывается, затем кивает неопределенно головой и, не оборачиваясь, отвечает:

— Вон там...

И снова молчит. Джельсомина взволнована, хочет что-то сказать, собирается с духом.

Джельсомина. Было время — я хотела вернуться домой одна... Теперь это мне не так важно...

Ждет. Никакого ответа. Дзампано продолжает стоять по колено в воде, не двигаясь, понурившись, как усталая лошадь.

Джельсомина продолжает:

— Теперь мне кажется, что мой дом там, где вы.

Дзампано (спокойно, без малейшего намерения посмеяться над ней или оскорбить ее). Неожиданное открытие!... Особенно если учесть, какую лямку тебе приходилось тянуть дома!

Джельсомина хмурится. Ее охватывает горькое уныние и возмущение одновременно... Молча поворачивается она спиной к морю и поднимается на берег.

Заметив это, Дзампано думает, что она обиделась. Полуобернувшись в ее сторону, он громко смеется. Услышав его смех, Джельсомина останавливается, поворачивается к нему и кричит с небывалой для нее горечью и возмущением:

— Животное!.. Не умеешь думать!..
Удивленный такой необычайной реакцией, Дзампано повеселел. Он еще громче смеется и повторяет:

— А что, скажешь, не тянула ляжку...
На этот раз его шутка кажется еще более грубой...
Джельсомина поднимается по берегу, больше не оглядываясь. С горечью и злобой повторяет про себя:

— Не думает!.. Не думает!..
Подойдя к фургону, останавливается, опустив глаза в землю, стоит задумчивая и сердитая. Потом медленно вынимает подарок Матто — медальончик, подвешенный на веревочке на шее, — и молча рассматривает его. Тем временем Дзампано, повеселев от своих шуток, от ножной ванны, насвистывая, медленно выходит из воды, усаживается на песок, носовым платком вытирает ноги и обувается.

Неожиданно из фургона до него долетают звуки трубы, неуверенные, но полные безысходной тоски. Это Джельсомина наигрывает все ту же мелодию.

Озадаченный Дзампано замирает... поворачивается... слушает... Его удивление сменяется каким-то неопределенным чувством, которое заставляет его прислушаться...

Музыка, которую ветер разносит вдоль пустынного берега, словно бы тонет в море, освещенном сейчас лучами заходящего солнца... На какое-то мгновение она рождает в душе Дзампано неизведанное им ранее чувство неловкости...

Под непрекращающиеся звуки трубы он медленно натягивает башмаки.

11

Женский монастырь. Джельсомина разговаривает с молодой монахиней...

Джельсомина допытывается у Дзампано, любит ли он ее. Дзампано пытается украсть золотой образок.

Уже далеко за полдень... Холодно. Пасмурно. Ветрено... Как обычно, подсакивая на ухабах, съездившись все на том же тряпье, Джельсомина поверх плеч Дзампано смотрит на тоскливый пейзаж, расстилающийся вокруг.

Мотоцикл проезжает по безлюдной, неприглядной местности.

Смеркается.

Вдруг взгляд Джельсомины останавливается на какой-то точке за дорогой. Она трогает Дзампано за плечо, указывая ему на что-то пальцем.

В знак того, что он тоже видит, Дзампано кивает головой. Вскоре мотоцикл сворачивает на боковую дорогу.

Проселочная дорога. Высокая стена окружает монастырь.

Мотоцикл останавливается перед крепостной стеной. В стене небольшая калитка. К ней примыкает массивное, побеленное известью строение с маленькими окошками. Вверху под каменной аркой укреплен колокол. Дзампано слезает с мотоцикла, подходит к калитке. Звонит. Ждет... Калитку открывает монахиня в белом одеянии. Это средних лет коренастая женщина, по виду крестьянка. Рукава у нее засучены, в руке корзина.

Дзампано стаскивает с головы шапку и застывает от смущения в неуклюжем почтительном поклоне.

Монахиня. Что вам надо?

Дзампано (смущенно, нерешительно). Извините за беспокойство... Как далеко отсюда до ближайшей деревни?

Монахиня. До Мильяны восемнадцать километров.

Дзампано мнет в руках шляпу и, почесывая затылок, бормочет, криво и неловко улыбаясь.

Дзампано. Свинство... (Обрывает свою речь.) У нас, видите ли, вышло почти все горючее... Не доедем... Ночь надвигается... со мной жена... (С неловкой улыбкой.) Мне и невдомек, что это монастырь. (Невольно увлекаясь.) Никакого жилья вокруг... проклятое место...

Монахиня заметила испуганное лицо Джельсомины. Очевидно, поэтому сухо предложила:

— Хотите — оставайтесь на сеновале.

Дзампано (сразу же, без дальних церемоний). Еще бы!

Направляется к мотоциклу... Монахиня распахивает калитку.

Дзампано (указывая на хмурое небо). Того и гляди дождь начнется... Летом ничего не было, зато теперь...

Садится на мотоцикл, включает мотор, медленно разворачивается и с громким треском въезжает в калитку мимо монахини, которая указывает ему рукой на сеновал.

Монахиня. Там, в глубине...

Монастырский сад.

С грохотом минуя калитку, мотоцикл едет дальше по тропинке, протопанной вдоль обширного сада. Перед глазами Джельсомины внезапно

предстает монастырский сад, в котором работает около десяти монахинь в белом.

Услышав шум мотора, они прерывают работу, выпрямляются и с любопытством посматривают на прибывших. Мотоцикл проезжает по тропинке, которая упирается в небольшое деревенское строение, примыкающее к монастырю. Здесь две комнаты для садовника, курятник, несколько навесов для инвентаря и сена.

Мотоцикл останавливается. Джельсомина сходит, нерешительно осматривается вокруг...

...Почти совсем стемнело. Джельсомина и Дзампано едят, сидя под навесом. Монахиня в переднике, черпая поварешкой из большой кастрюли, наливает им суп.

В саду уже не работают.

Монахини, одетые в белое, парами медленно прогуливаются по саду. Некоторые из них останавливаются неподалеку от наших бродячих актеров, рассматривают их с ребяческим любопытством. Им хочется завязать с ними разговор. Одна из монахинь, совсем молоденькая и хрупкая, с острой, как у зайчонка, мордочкой, разбивает лед молчания:

— Приятного аппетита...

Дзампано и Джельсомина благодарят с набитым ртом: Джельсомина — застенчиво, Дзампано — радушно, но высокомерно.

Джельсомина и Дзампано. Спасибо...

Монахини ухмыляются, подходят ближе. Молодая монашка продолжает:

— Чем вы занимаетесь?

Дзампано (с обычной самодовольной гордостью, но в то же время дружелюбно). Мы бродячие актеры. Выступаем на площадях.

Хор подавленных возгласов удивления, в которых к любопытству примешивается доля тревоги.

Монашка (показывая на Джельсомину). А она? Что делает она?..

Дзампано (покровительственно). Помогает мне... бьет в барабан, играет на трубе... (Джельсомине.) Покажи, как ты играешь на трубе!

Джельсомина послушно и охотно достает из фургона трубу и собирается начать играть. Дзампано продолжает:

— Зарабатывает себе на хлеб... Я ее всему обучил...

Джельсомина, поднеся трубу ко рту, смотрит на Дзампано, дожидаясь его сигнала; Дзампано подает знак:

— Давай!

Джельсомина играет все ту же знакомую нам старинную мелодию. Она не фальшивит, играет уверенно, и от этого мелодия звучит еще грустнее, чем она задумана.

Три молодые монахини слушают и тихонько ухмыляются. Старинную песенку они приняли за танцевальный мотив.

Тем временем монахиня-хозяйка, оставив кастрюлю, начинает помогать старику садовнику собирать в корзину дрова.

Заметив это, Дзампано с покровительственным добродушием, смешанным с неловким почтением, говорит:

— Позвольте мне, сестра. Я подсоблю вам.

Монахиня, улыбаясь, возражает. Джельсомина перестает играть.

Монахиня. Я это делаю каждый божий день.

Дзампано отстраняет ее и торопливо принимается за работу. И это он делает, как обычно, в расчете на внешний эффект.

Дзампано. Нет, для вас это неподходящее занятие. Вы уж решите мне!

Словно пушинку, поднимает он набитую дровами корзину.

Дзампано. Поспорим на сто лир, что все эти дрова я перенесу за три приема?.. Могу поднять корзину, дрова да еще садовника в придачу.

В ответ раздаются негромкие восхищенные возгласы. Дзампано удаляется в сопровождении садовника и монахини-хозяйки. Уходят и две молодые монахини. Они продолжают в глубине медленно прогуливаться; остается только монашка с заячьей мордочкой.

Монашка. Как вы хорошо играете.

Джельсомина считает своим долгом отвесить небольшой поклон; монашка продолжает с живым интересом, указывая на фургон:

— Вы спите там?

Джельсомина. Да... (Потом вдруг, желая блеснуть своими владениями.) Места там предостаточно... У меня есть кастрюли, лампы... все, как в настоящем доме... (Показывает свои жалкие пожитки, сваленные в кучу.)

Монахиня смеется. Затем вместе с Джельсоминой начинает медленно прохаживаться по саду.

Монашка. И вам нравится все время переезжать с места на место?

Джельсомина пожимает плечами.

Джельсомина. Это все он... Такая уж у него работа.

Монашка. Да и мы тоже не засиживаемся на месте. Каждые два года меняем монастырь. Здесь я уже во втором...

Джельсомина. Зачем?

Монашка. Чтобы не слишком привязываться к мирскому. Человечек привыкает к месту, где он живет... Верно? Даже к дереву и то привыкаешь... Так легко позабыть и о самом важном — о боге! (Смеется.) Обе мы живем на колесах... Вы следуете за своим супругом, я — за своим...

Джельсомина поражена и обрадована этим сравнением. Оно ей льстит и в то же время волнует ее. Со смехом она говорит:

— И верно! Каждому свое...

Джельсомина снова смеется. Смеется и монашка. Наклоняется, чтобы поправить колышек, поддерживающий молодое деревцо. Монашка (радостно). Я его посадила в первый год своего пребывания здесь. Кто знает, где я окажусь, когда оно станет приносить плоды...

Джельсомина заметила цветок, уцелевший в траве.

Джельсомина. Ах!.. Цветочек еще не завял!..

Монашка срывает его и протягивает Джельсоmine.

Джельсомина. Спасибо!..

...Медленно идут дальше. Джельсомина оглядывается по сторонам...

Смотрит на монашку.

Джельсомина (с детским любопытством). А что вы делаете в монастыре?

Монашка. Встаем в пять утра и сразу же — в часовню; потом работаем — в саду или по дому; и целый день так, все в одно и то же время — работаем и молимся...

Джельсомина немного взволнована. Задумчиво роняет:

— Как хорошо...

Монашка. Да, хорошо... Вот уже почти пять лет как я постриглась, а мне кажется, что прошло всего пять дней...

Джельсомина (неожиданно). Мне бы хотелось остаться здесь. Но я не могу.

Монашка (смеется, повеселев). Вы замужем. Дали брачный обет... Здесь, пожалуй, заскучаете. Важно прийти к богу, а дорога у каждого своя.

Звонит монастырский колокол.

Джельсомина. Что это?..

Монашка (вдруг заторопившись). Мне пора... Звонят к вечерне. Спокойной ночи!

Джельсоmine хочется удержать ее. Торопливо она признается:

— Сестра, мы не венчаны.

Смушенная и озадаченная монашка останавливается:

— Не венчаны? Почему?..

Секунду стоит в нерешительности. Потом бегом присоединяется к остальным монахиням, которые сходятся со всех сторон в общую группу и разбиваются на пары в конце тропинки.

Джельсомина остается одна. Украдкой смотрит на монашек, которые направляются к церкви. Когда же они входят в собор и колокол перестает звонить, она возвращается к сеновалу. Там, под навесом, появляется Дзампано. Он в хорошем настроении. Пьет вино из стаканчика и

показывает Джельсоmine на другой стакан с вином, стоящий на бревне. Отрывисто говорит:

— Это тебе.

Джельсомина берет вино и, смакуя, выпивает его. Дзампано допивает свой стакан, вытирает губы, набрасывает на плечи одеяло. Насвистывая, взбирается по деревянной лесенке на сено.

Джельсомина ставит пустой стаканчик и взбирается вслед за ним.

Ночь...

Навес, под которым свалено сено, примыкает к внешней стене часовни. Небольшое оконце с железной решеткой расположено несколько выше и позволяет заглянуть во внутренность часовни. В окошке свет.

Дзампано готовится ко сну. Тихонько насвистывая, медленно, заученными движениями стаскивает башмаки, снимает пиджак и скатывает его вместо подушки. Джельсомина сидит на сене и несколько мгновений молча смотрит на Дзампано. Ее охватило состояние блаженного покоя.

Джельсомина. Нет-нет, да опять начинается дождь, а здесь хорошо.

Дзампано не отвечает, только довольно усмехается. Молчание.

Джельсомина. Дзампано!

Дзампано круто поворачивается к ней.

Джельсомина. Зачем я вам нужна?

Дзампано на мгновение перестает укладываться, насторожившись, смотрит на Джельсомину. Она по-матерински добродушно смеется, потом говорит:

— И некрасивая я, и стряпать не умею, делать ничего не умею...

Дзампано кажется, что он понял — она просто шутит... Он ухмыляется, пожимает плечами.

Дзампано. Ну и глупа же ты!

Джельсомина собиралась ответить, но вдруг ее внимание привлекло молитвенное пение, доносящееся из освещенного окошка часовни. Подобравшись к нему, она хватается за решетку, через запыленное стекло заглядывает внутрь.

Монастырская часовня.

Алтарь освещен. Преклонив колена, поют монахини. Стена напротив окна, в которое смотрит Джельсомина, увешана образами в блестящих ризах.

Джельсомина крестится. Некоторое время еще смотрит в окошко, потом снова присаживается на сене.

Дзампано, растянувшись на спине, покусывает соломинку и смотрит в пространство.

Джельсомина. Дзампано! На мгновение Дзампано слегка косит глаза в ее сторону. Из часовни доносятся звуки небольшого органа.

Джельсомина. Если я умру, вам будет жаль меня, Дзампано?.. Растерявшись, Дзампано отвечает не сразу. Потом с присущей ему важностью угрюмо спрашивает:

— А ты что, хочешь умереть? Джельсомина вытягивается поодаль от Дзампано, глядит на него снизу вверх. Медленно, с улыбкой отвечает:

— Было время, когда мне хотелось умереть... Лучше, чем оставаться с таким... думала я про себя... А теперь я даже согласна выйти за вас замуж, ведь нам все равно придется оставаться вместе. Если даже камень — и тот на что-то нужен... Обо всем этом надо думать. Почему вы никогда не думаете, Дзампано?

Дзампано не по себе. Он не знает еще, как ему вести себя. Отвечает медленно, сердито, с хитровой усмешкой, прикрывающей его смущение:

— Что, тебе мало в карман перепадает? Затем, приходя в еще большее смущение, но изо всех сил стараясь его не показать, добавляет с подчеркнутым презрением:

— А что, собственно, ты в этом смыслишь?

На смену неловкости приходит озлобление:

— Что ты ко мне пристала?

Пожимает плечами, окончательно оправившись, смеется почти добродушно:

— Отстань, дура!..

Встает, подбирается к окошечку и в свою очередь заглядывает в часовню.

Оба молчат. Слышны лишь звуки органа и пение монахинь.

Начинается дождь...

Наконец Джельсомина отваживается и тихо, дрожащим голосом спрашивает:

— Вы меня любите, Дзампано?..

Ждет ответа.

Дзампано не отвечает. Возможно, он даже и не слышал вопроса. Не отрываясь, как будто очарованный сверканием образов, пристально смотрит он через окошко в часовню. Потом медленно укладывается, устремив взгляд в пространство...

Наступила глубокая ночь... Дождь льет как из ведра... Джельсомина спит, укутавшись с головой одеялом...

Шорох... отрывистый, приглушенный стук...

Джельсомина чем-то внезапно разбужена. Она приподнимается, оты-

скивает глазами Дзампано. Место, где он спал, пусто. Откуда-то сверху, из темноты, доносится его приглушенная ругань. Джельсомина смотрит в ту сторону.

За решетку окошечка, которое теперь уже не освещено, уцепился Дзампано. Ему удалось открыть раму. Пыхтя и чертыхаясь, он безуспешно пытается просунуть руку в отверстие железной решетки.

Дзампано вполголоса ругается.

Джельсомина вздрагивает от безотчетного страха, охватившего ее. Еще не совсем понимая, она уже догадывается в чем дело. Садится. Испуганно смотрит.

Повернувшись к ней, Дзампано тихонько зовет:

— Пойди сюда...

Со сдержанной тревогой в голосе Джельсомина спрашивает:

— Что вы делаете?

Дзампано. Пойди сюда!.. У тебя получится...

Джельсомина бросается к нему; хватая за руку, изо всех сил старается оттащить его от решетки, повторяя сдавленным, полным отчаяния голосом:

— Не надо!.. Уходите отсюда, уходите! Нет!..

Дзампано оборачивается. Сначала он ошеломлен, потом его охватывает ярость. Он награждает ее тяжелой оплеухой.

Словно пришибленная, тяжело дыша, Джельсомина прильнула к стене, готовая обороняться. Не шелохнется.

Дзампано пристально смотрит на нее; ледяным тоном, еще тише повторяет:

— Просунь руку!

Джельсомина. Не буду.

Дзампано опять бьет ее. Она решительно повторяет:

— Нет!

И падает на сено, рыдая от отчаяния. Дзампано тихо ругается.

Раннее утро.

Мотоцикл с заведенным мотором остановился на дорожке монастырского сада перед распахнутой калиткой. Дзампано и Джельсомину провозжают несколько монахинь, которые шли по своим делам и задержались здесь. Дождь перестал, но небо хмурое и холодное. Кругом грязь, лужи. Джельсомина расстроена. Она прощается с монахинями, пожимая и целуя руку каждой из них, неуклюже отвешивает трогательные поклоны.

Джельсомина. До свиданья, сестра... Спасибо... До свиданья, сестра... Спасибо... Спасибо...

Неожиданно появляется веселая монашка, которая еще издали приветливо говорит:

— Счастливого пути!..
Монахини. Счастливого пути!.. Счастливого пути!..
Но, увидев мрачное лицо Джельсомины, которая силится сдержать слезы, монашка останавливается, испытующе взглядываясь в нее.
Джельсомина (сдавленным голосом). До свиданья, сестра...

Спасибо...

Глаза ее наполняются слезами.
Монашка (понижив голос). Что с вами?..
Монахиня, открывшая калитку, объясняет Дзампано дорогу. Остальные монахини, за исключением молодой монашки, расходятся по своим делам.

Монахиня. Вам незачем возвращаться. Эта дорога неважная, но зато здесь на несколько километров ближе... Счастливого пути!..
Дзампано снимает шапку и кричит монахиням добродушно и почти-тельно, но своим обычным шутовским тоном:

— Благодарю! Благодарю за гостеприимство, за доброе сердце!..
Спасибо и еще раз спасибо!.. От лица скромного актера!..

Поворачивается к монашине, которая ему открыла калитку, протягивает ей руку:

— Спасибо, сестра!.. До свиданья!..

Надевает шапку и садится за руль.

Джельсомина бросает на него взгляд. Ей понятно, что настал час покинуть монастырь. Горькие слезы заливают ее лицо. Она протягивает молоденькой монашке руку, и та, молча пожимая, задерживает ее в своей, пристально разглядывая то темную фигуру Дзампано на грохочущем мотоцикле, то жалкое, заплаканное личико Джельсомины. С неожиданной догадкой шепчет Джельсомине, которая намеревается отнять руку:

— Хочешь остаться в монастыре?.. Я поговорю с настоятельницей...

Джельсомина задыхается от слез; колеблется, потом, осознав неосуществимость подобной затеи, отрицательно качает головой, освобождает руку и торопится забраться в фургон. Мотоцикл трогается с места. Въезжает в калитку. Минует ее.

Джельсомина машет рукой маленькой монашке, которая все еще стоит на тропинке.

Проселочная дорога, примыкающая к монастырю...

Выехав за калитку, мотоцикл заворачивает вправо...

Монахиня закрывает калитку.

Выглядывая из фургона, Джельсомина, обливаясь слезами, видит, как закрывается калитка, как постепенно удаляется монастырская стена... и, наконец, остается далеко позади...

В драке Дзампано ударом кулака убивает Матто.
С обезумевшей от горя Джельсоминой Дзампано бежит, проезжая из одной деревни в другую.

Вечереет.

Подскакивая при каждом толчке, съезжившись на своем неизменном тряпье, Джельсомина раскачивается из стороны в сторону. Ее взгляд устремлен в пустоту. Вдруг мотоцикл резко тормозит и останавливается. Джельсомина очнулась. Высовывается. Вяло и безразлично оглядывает дорогу.

Дорога вьется вдоль железнодорожного полотна.

Мотоцикл остановился посреди дороги, возле сильно помятого, застрявшего на обочине автомобиля со спущенной покрывкой.

Это старая малолитражка Матто.

На коленях у колеса стоит Матто, намереваясь сменить покрывку.

Дзампано, сидя на мотоцикле, тяжело дышит. Кажется, что его прерывистое дыхание сливается со стуком невыключенного мотора. Он молча смотрит на Матто.

По железной дороге стремительно несется состав. Матто оборачивается. На его лице появляется выражение тревоги, которая тут же сменяется обычной для него вызывающей усмешкой.

Насмешливо свистнув, он, как ни в чем не бывало, продолжает свое дело. Начинает свистеть, как бы желая сказать:

— «Кого я вижу! Вот и мы!»

Дзампано объезжает малолитражку. Проезжает на правую обочину дороги. Опять останавливается. Глушит мотор, медленно слезает с седла. Из фургона показывается взволнованное лицо затаившей дыхание Джельсомины.

Дзампано медленно проходит мимо нее. Она старается скрыть свою тревогу, но голос выдает ее. Каким-то чужим голосом она кричит:

— Дзампано, поехали дальше!

Но тот будто не слышит. Он медленно приближается к Матто, который не перестает возиться с колесом, стараясь показать Дзампано свое полнейшее пренебрежение. Он даже не поднимается с земли.

Наконец, видя, что Дзампано совсем рядом, он говорит, не отрываясь от работы:

— Молодчина, «Руньцо». Решил мне помочь?..

Дзампано не отвечает. Он останавливается рядом и молча сверху вниз смотрит на Матто. Тот работает, стоя на коленях. Создается впечатление, будто это обычная дорожная встреча.

...Матто не смотрит на Дзампано, остановившегося от него на расстоянии какого-нибудь шага. Он продолжает в присущем ему тоне вызывающей непосредственности:

— Правильно. Сегодня ты мне поможешь, а другой раз — я тебе.. Протягивает руку к лежащей на асфальте гайке. Но Дзампано медленно поддает гайку ногой. Та катится по асфальту на середину дороги. Слышен голос Джельсомины. Сама не своя от страха, она снова кричит.

Голос Джельсомины. Дзампано!.. Ловким движением Матто молниеносно хватается за заводную ручку и, вскочив на ноги, оказывается прямо перед Дзампано. Тот в свою очередь, с неожиданным для такого верзилы проворством, отскакивает, потом хватается Матто за грудки и прижимает его к машине. Рука Дзампано ловит занесенную в воздух руку Матто.

На минутку оба замирают почти без движения, тяжело дыша, стискивая друг друга, сосредоточив всю свою силу в руках. Джельсомина в ужасе выпрыгивает на землю и стоит, не зная, что делать, боясь пошевелиться.

Вдруг она снова кричит:

— Дзампано!.. Отпустите его!..

Дзампано намного сильнее. Рука Матто разжимается, выпускает заводную ручку... Сцепившись, они наклоняются... Матто пытается вырваться из рук Дзампано, которыми тот, как тисками, сжал его... Ему не удается это. Не давая шелохнуться, Дзампано опять прижимает Матто к машине... А свободной рукой со всего размаха, со страшной силой бьет его по лицу. Матто стучается головой о кузов машины... Из носа у него брызжет кровь... Ударяя ногой в живот Дзампано, он пытается оттолкнуть его от себя... Дзампано испускает глухое рычание и с дикой силой снова и снова бьет Матто по голове.

Матто шатается, хрипит и все же с насмешкой, за которой он прячет страх, говорит:

— Неужто ты и в самом деле хочешь меня убить?

В этот момент неожиданно появляется Джельсомина. Она бросается на Дзампано, хватается за руку и кричит, задыхаясь, охваченная ужасом:

— Хватит!... Хватит!.. Отпустите его!..

Дзампано медленно размыкает клещи. Он тяжело дышит; Джельсомина отталкивает его. Налившимися кровью глазами он смотрит на Матто, который, по-видимому, едва держится на ногах и обтирает лицо рукавом.

...Короткая пауза. Затем Дзампано глухим, сдавленным голосом говорит:

— Попомнишь теперь Дзампано. А еще раз попадешься мне под руку...

Джельсомина лихорадочно продолжает отталкивать Дзампано, повторяя:

— Уходите!... Уходите... Оставьте его..

Дзампано отворачивается и медленно тяжелым шагом уходит. Матто устало, но по-прежнему иронически говорит:

— Хуже и быть не могло...

И медленно опускается на дорожную тумбу.

Джельсомина, дрожа всем телом, бредет за Дзампано, направляющимся к мотоциклу, но то и дело оборачивается. Когда они уже почти дошли до фургона, она вдруг останавливается и с ужасом вглядывается в ту сторону, где остался Матто.

Матто медленно соскальзывает с тумбы, на которой сидел.

Джельсомина, приглушенно вскрикнув:

— Ему плохо!..

Бросается к нему. Дзампано медленно оборачивается, наблюдая за ней.

Джельсомина подбегает к Матто, который теперь уже лежит, растянувшись на земле, изредка вздрагивая. Она падает рядом на колени, смотрит на него. Лицо Матто дергается в предсмертной агонии, глаза, испуганные и уже остекленевшие, обращены к Джельсомине, которая кричит:

— Дзампано!... Скорее!..

Дзампано делает несколько шагов в сторону Джельсомины и Матто, но, словно не веря в реальность опасности, останавливается. Его снова настаивает леденящий кровь голос Джельсомины:

— Сюда!.. Умирает!..

Дзампано снова делает несколько шагов — сначала медленно и важно, потом торопливо. Подходит к Джельсомине, которая, склонившись над неподвижным телом, твердит, обезумев от ужаса и горя:

— Умирает!.. Умирает!... Умирает!..

Дзампано свирепо отталкивает ее в сторону и склоняется над Матто. Стоя рядом на коленях, Джельсомина стучит от волнения зубами, смотрит то на одного, то на другого. Дзампано грубо трясет тело Матто. Зовет:

— Эй!..

Не получая ответа, испуганный Дзампано еще более резко трясет безжизненное тело, щупает лицо, грудь, слушает пульс. Снова трясет.

Дзампано. Эй...

Не владея больше собой, вскакивает на ноги, осматривается, издает безнадежный хриплый стон.

Джельсомина не в силах подняться; она забыла обо всем на свете. Обезумев от ужаса, повторяет:

— Вы убили его... Умер... Умер...

Дзампано снова бросается к телу Матто, берет его руку, всего ощу-

пывает, трясет. Тяжело дышит. Кажется, ему не хватает сил подняться, и он продолжает стоять на коленях и оглядываться. Повторяет одно и то же:

— Теперь меня засадят...

...На безлюдную дорогу опускается вечер... Вокруг все принимает неопределенные и туманные очертания.

Дзампано вскакивает. Видимо, он что-то придумал. Бежит в сторону железной дороги, идущей в том же направлении, перепрыгивает через кювет, заросший густым камышом.

Осматривается... Глядит вправо... влево... Наконец принимает решение. Наклонившись к телу Матто, приподнимает его. Машинально приподнимается и Джельсомина, словно желая последовать за ним; но он осаждает ее хриплым свирепым окриком:

— Стой тут, ни с места!..

И бросается с откоса вниз, в камыши, унося безжизненное тело.

Словно пригвожденная, Джельсомина стоит на дороге. Стуча зубами от страха, она не сводит пристального взгляда с Дзампано, следя за его продвижением по колыханию камыша. Вот он снова появляется на железнодорожном откосе, уже по другую сторону линии. Тяжело взбирается на него, наклоняется; вновь поднимается, уже избавившись от своей ноши. Джельсомина видит, как он опять бросается к дороге и, запыхавшись, появляется на ее обочине. Говорит хриплым голосом:

— Живо!.. Давай отсюда!..

Но Джельсомина не шевелится. Он тащит ее за собой, бегом направляясь к фургону. Почти бросает ее туда, услышав издали донесшийся свисток паровоза.

Подбегает к мотоциклу, садится, заводит мотор и рывком трогается с места, в то время как свист и шум поезда стремительно приближаются.

На железнодорожной линии появляется экспресс, идущий с огромной скоростью. Окна поезда освещены. Он мчится в том же направлении, что и мотоцикл. Вот он догнал его... секунда... и он умчался дальше, оставив позади мотоцикл с фургоном...

Смеркается.

Забившись в угол фургона, который вместе с мотоциклом мчится на предельной скорости, Джельсомина видит проходящий поезд.

Она испускает крик — протяжный, пронзительный, леденящий кровь.

По дороге, протянувшейся рядом с железнодорожной насыпью, мчится мотоцикл.

Поезд уже давно исчез из виду...

Стремительная смена кадров.
Ночь... По-прежнему на предельной скорости мотоцикл Дзампано мчится через погруженную в сон деревню...

Проезжает по темной, глухой дороге, обсаженной высокими деревьями...

...Микует мост...

...Проезжает еще одну деревню с полусвещенными, пустынными улицами...

...И наконец выезжает на другую дорогу, вьющуюся между темными и молчаливыми холмами...

День. Деревенская площадь.

Окруженный зрителями, обмотанный, как обычно, цепью Дзампано заканчивает свою стандартную вступительную речь:

— Ни в одной религии не сказано, что человек должен терзать себя подобным образом, чтобы заработать кусок хлеба. Мы не занимаемся темными делишками... Мы избрали путь праведной, честной, трудовой жизни. Вот почему и изнуряем себя, укорачиваем свой собственный век здесь на площадях.

Джельсомина, как обычно, в длинной одежде и помятом котелке, не подвижно стоит с барабаном на шее. Ее лицо под клоунским примитивным гримом кажется сейчас трагически окаменевшим.

Дзампано продолжает:

— Чтобы честно заработать себе на кусок хлеба, как все порядочные труженики...

Оборачивается к Джельсомине, приглашая ее бить в барабан:

— Пожалуйста, синьорина Джельсомина...

Устремив взгляд в пустоту, Джельсомина, как и раньше, недвижима, будто она и не слышала его слов.

Дзампано, уже намеревавшийся было напрячь мускулы, останавливается, поворачивается к Джельсомине и повторяет резче, но с новым для него выражением скрытого страха:

— Синьорина Джельсомина, пожалуйста, барабан...

Джельсомина по-прежнему не шевелится. Она лишь переводит на него свои невидящие глаза.

Джельсомина (без всякого выражения). Матто стало плохо, Дзампано.

Лицо Дзампано судорожно передергивается от страха. Широко раскрытыми глазами он смотрит на Джельсомину, потом поворачивается к публике.

Но Джельсомина уже пришла в себя. Машинально она начинает бить в барабан, устремив взор в пространство.

Ночь...
Фургон остановился на одной из ничем не приметных лужаек при выезде из очередной деревушки. Чтобы укрыться от ветра, Дзампано прислонил его к стене какого-то здания.

В примитивном каменном очаге он развел огонь. Заканчивает свой ужин, сидя на земле, опершись спиной о стенку.
Джельсомина не видно. Дзампано задумчив и мрачен. Временами он поглядывает на фургон. Потом встает, с миской в руках подходит к нему и, обращаясь внутрь, говорит резко и строго, но в его голосе впервые звучит затаенный страх:

— А ну, поешь!..
Ответа нет. Дзампано ждет несколько мгновений. Потом более строго, но и более испуганно спрашивает:

— Да что с тобой стряслось?..
И на этот раз — никакого ответа. Дзампано вполголоса ругается, с остервенением швыряет миску с супом на землю. Собирается уйти. Останавливается. Снова поворачивается к фургону. Говорит тише:

— Будет тебе!.. Чего бояться?.. Никто нас не ищет... понятно тебе?.. Никому в голову не придет...

Никакого ответа. Дзампано опять ругается сквозь зубы. Машинально неумело убирает кастрюли, банки; говорит, на этот раз утешая:

— А тебя я завтра сведу к доктору...
Прибрав кое-как посуду, подходит к фургону с очевидным намерением залезть туда. Но заметно колеблется, может быть, трусит... и, прежде чем взобраться, стоит некоторое время возле него. Наконец решается и залезает в фургон.

Больше половины туловища Дзампано еще наружу, когда вдруг раздается голос Джельсомины — взволнованный, хриплый, леденящий кровь:
— Нет!..

Она приподнялась и села на своей подстилке. Окаменевшая, с помутившимся взором. Увидя Дзампано рядом с собой, отпрянула, сжалась в комок. Дзампано смотрит на нее не то испуганно, не то сердито.

Дзампано. Что с тобой?
Джельсомина не отвечает. Неожиданно выпрыгивает из фургона. Дзампано не успевает ее удержать.

Дзампано (громче). Да что с тобой такое?..
И выпрыгивает за ней.

Растерянная, словно она все забыла, Джельсомина осматривается. Дзампано подходит к ней, хватая за руку, трясет.
Дзампано. Куда ты отправилась, дура?..

Джельсомина отвечает не сразу. Прикосновение руки Дзампано приводит ее в чувство; она больше не сопротивляется, лишь бормочет, как бы извиняясь:

— Ведь Матто плохо!..

На секунду Дзампано становится страшно; он выпускает ее руку, молча смотрит на нее; потом подталкивает ее к фургону. Джельсомина дрожит в ознобе. Помогая ей взобраться, он на секунду задерживает ее и со строгостью, плохо прикрывающей испуг, спрашивает:

— Хочешь, я отвезу тебя домой?.. А?..

Джельсомина (не сразу, неопределенно). Нет...

Дзампано приподнимает ее. Она снова скрывается в фургоне. Некоторое время взволнованный Дзампано колеблется. Потом достает из фургона одеяло и говорит отрывисто:

— Я переночую здесь...

Подходит к огню, ложится на земле, завернувшись в одеяло. Из прицепа доносится голос Джельсомины:

— Дзампано...

Дзампано бросает взгляд в сторону фургона, молча вытягивается...

День...

В сельскую лавку входит Дзампано и обращается к хозяину, стоящему за прилавком. Кратко, отрывисто, явно торопясь, он заказывает:

— Двести граммов колбасы и сто граммов сыру.

Хозяин неторопливо готовится отпустить. В темном углу на ларе и табуретке сидят старик и молодой человек. Они наблюдают за Дзампано с молчаливым любопытством, присущим крестьянам. Дзампано чувствует себя неловко. Он резко торопит:

— Нельзя ли побыстрей...

Потом возвращается к двери, бросает озабоченный взгляд на фургон, выглядывает на улицу, но, увидев, что причины для беспокойства нет, — возвращается к прилавку.

Хозяин отрезал сыр. Кладет его на весы.

Хозяин. Сто двадцать граммов... Устроит вас?..

Дзампано (нетерпеливо). Ладно... все равно. (Повторяет.) Двести граммов колбасы...

Хозяин собирается резать колбасу. Дзампано снова подходит к двери. На этот раз на его лице появляется выражение тревоги...

На деревенской площади стоит фургон. Возле него двое ребят, женщина. Их позы выражают удивление и подозрительность. Из фургона слышатся стоны; потом раздается более громкий жалобный вопль.

Голос Джельсомины. Дзампано!.. Дзампано!..

Женщина подходит к фургону. Осторожно просовывает туда голову, стараясь разглядеть, что находится внутри. На нее стремительно налетает Дзампано. Он грубо отталкивает женщину и детей и вызывающе спрашивает:

— Вы что тут потеряли?..

Но в фургоне усилились стоны; Джельсомина зовет его еще громче, еще тоскливее.

Голос Джельсомины. Дзампано!.. Дзампано!..
Со сдерживаемой яростью Дзампано громко отвечает ей:

— Я здесь, здесь!

Потом, снова обернувшись к присутствующим, число которых возросло, повторяет более вызывающе:

— Занимайтесь-ка своими делами!..

В ответ на его слова слышен недружелюбный ропот. Тогда он в бешенстве усаживается на мотоцикл, заводит его, цедя сквозь зубы ругательства, и, сразу запустив машину на полную скорость, уезжает.

Ночь...

Мотоцикл едет по заброшенной проселочной дороге, пролегающей в поле... Темно...

У речки, перед въездом на мост Дзампано останавливает мотоцикл. Сходит с седла, подходит к реке, наклоняется к воде. Сначала пьет, потом умывает лицо.

С мокрым лицом возвращается к фургону, осторожно заглядывает в него. Оттуда доносятся слабые стоны.

В фургоне на соломенном тюфяке лежит Джельсомина. Кажется, что она спит, что вздрагивает и стонет во сне.

У Дзампано свирепый и мрачный вид. Он медленно оглядывается по сторонам ничего не видящим взглядом... Потом медленно закуривает... Входит на мост... Прислоняется к перилам и смотрит вниз, погруженный в свои мрачные мысли.

...Под мостом — глубокая река...

Дзампано смотрит на нее, как замороженный.

Он вздрагивает, услышав голос Джельсомины, которая с тем же выражением страха и мольбы зовет его из фургона.

Голос Джельсомины. Дзампано!.. Дзампано!

Дзампано не отвечает. Лицо его судорожно передергивается от сдерживаемой бессильной ярости и возмущения.

Опять его взгляд останавливается на фургоне... Потом снова он смотрит вниз, в пучину... Но теперь уже его лицо выражает определенную мысль...

Он медленно осматривается. Кругом тихо и безлюдно.
Голос Джельсомины. Дзампано!..

Словно с трудом, отрывается Дзампано от перил моста и не спеша возвращается к мотоциклу. Глухо, без выражения, как бы уже привыкнув к этому зову, отвечает:

— Я здесь.

Садится на мотоцикл и въезжает на мост.

Проехав почти до середины, замедляет ход.

Останавливается, но мотора не глушит... Ждет... Смотрит на перила. Потом медленно его взгляд переходит с перил моста на фургон... Оттуда больше не слышно ни звука...

Ясно, что зародившееся в нем смутное искушение принимает реальную форму...

Наконец, словно преодолев соблазн, в бессильной ярости он снова запускает машину и стремительно уезжает.

Разговор Джельсомины с Дзампано.

Ясное холодное зимнее утро. Голые деревья покрыты инеем. Мотоцикл остановился на спускающейся с холма дороге рядом с полуразрушенной заброшенной часовенкой.

Дзампано развел у стены часовни костер и, сидя на корточках, раздувает огонь и прилаживает котелок. У него, как обычно, мрачный и свирепый вид. Легкий шум за спиной заставляет Дзампано обернуться. Джельсомина вылезла из фургона и стоит всего в нескольких шагах от него. Ее лицо, с которого не сходило трагическое выражение со дня убийства Матто, теперь разгладилось, прояснилось. По нему скользит застенчивая улыбка.

Обеспокоенный и встревоженный, Дзампано медленно приподнимается, испытующе смотрит на нее.

Осматриваясь по сторонам, Джельсомина совершенно нормально говорит:

— Хорошо здесь...

На лице Дзампано растет беспокойство. Он молча смотрит, пока она медленно, вытянув руки, подходит к костру.

Дзампано неловко торопится устроить ей поудобнее место рядом с огнем.

Дзампано. Садись сюда...
Джельсомина садится. Она кажется спокойной и безмятежной, почти веселой. Но именно это и порождает в Дзампано неопределенное чувство беспокойства и страха.

Дзампано. Очень холодно.
Не отвечая, Джельсомина улыбается. Дзампано снова хлопочет у костра, не переставая следить за ней. Всматривается в ее лицо. Спрашивает с вызовом:

— Ну что, отлегло?..

Лицо Джельсомины мгновенно мрачнеет, снова становится похожим на трагическую маску. Но Дзампано продолжает в том же тоне:
— Заруби себе на носу... нас никто не ищет... О нас никто и не вспоминает.

Джельсомина молчит по-прежнему. Трагическое выражение не сходит с ее лица.

Дзампано снова принимается хлопотать у костра, возится над котелком, установленным на огне. Потом говорит заискивающе:

— На... поешь...

Джельсомина встает, склоняется над костром и, собираясь вернуться к своим обязанностям, говорит, как ни в чем не бывало:

— Пустите. Я сама.

Дзампано смотрит на нее. На его лице безграничное, почти детское чувство облегчения. С непривычной для него приветливостью он говорит с полуулыбкой:

— А знаешь, ты две недели провалялась не двигаясь... Господи!.. Давно пора!..

Джельсомина молчит. Несколько мгновений Дзампано тоже молчит, потом продолжает, как бы желая подвести итог и тем самым окончательно покончить с минувшим:

— Ведь я совсем не хотел его убивать. Пару раз стукнул... Он прекрасно держался на ногах; немного крови из носа — и все... Кто же тут виноват?.. Потом сел, свалился на землю... Я был от него уже далеко... Мыкаться всю жизнь в тюрьме из-за какой-то пары оплеух?.. Разве я не имею права спокойно работать?..

Дзампано снимает котелок с огня и протягивает его Джельсомине:

— На, поешь... Подкрепись...

Джельсомина молча принимается есть; Дзампано, напряженно следя за каждым глотком, смотрит на нее. Хлопает себя по колену, говорит тихо, со вздохом облегчения.

Дзампано (почти про себя). Господи!..

Потом уже другим тоном, обращаясь к Джельсомине:

— Сейчас поедем... Тут недалеко ярмарка. Всего каких-нибудь двадцать километров...

Джельсомина вдруг сразу перестает есть; мрачнеет. Глаза ее наполняются слезами.

Дзампано замечает это. Испуганно смотрит на нее.

Дзампано (злбно). Ты что это?..

Джельсомина (горестно). Матто плохо...

И Джельсомина заливается слезами, осматриваясь вокруг блуждающим, полным ужаса и тоски взором.

Продолжительное молчание.

Дзампано явно встревожен. Им снова овладели испуг, гнев и беспокойство.

Но Джельсомина быстро приходит в себя. Вытирает слезы. Успокаивается. Принимается за еду. Дзампано долго молчит. Сейчас у него еще более мрачный и свирепый вид, чем раньше. Наконец он на что-то решается.

Взяв Джельсомину за руку и словно говоря с глухой, обращается к ней.

Дзампано. Эй!..

Джельсомина чуть оборачивается, слегка улыбаясь.

Дзампано. Я тебя отвезу назад, домой. (Почти по слогам.) Отвезу тебя домой, понятно?..

Джельсомина в знак несогласия спокойно качает головой.

Дзампано смотрит на нее не то испуганно, не то сердито:

— Не хочешь ехать домой?..

Джельсомина отвечает не сразу. Потом, с трудом подбирая слова, серьезно говорит:

— Если я уйду от вас, то кто же тогда будет с вами?..

Дзампано плохо понимает ее, и это пугает его еще сильнее. Несколько мгновений он молча испытующе смотрит на девушку, потом кричит злбно, с неподдельным и бессознательным отчаянием:

— Я ведь должен работать!.. Должен зарабатывать на хлеб!.. А у тебя не все дома!..

Он исступленно бьет себя по лбу.

Джельсомина смотрит на него с каким-то странным выражением... Потом медленно, методично начинает расправлять тряпье, словно намерена тут, у стены, расположиться на ночь.

С заметной тревогой следит Дзампано за ее движениями. Он зол, но старается говорить с ней терпеливо, пытаясь убедить ее:

— Ступай туда!.. Неужели ты хочешь лечь здесь? На таком-то холоде?..

Как бы не слыша, Джельсомина укладывается. Потом спокойно, почти кротко, но твердо говорит:

— Вы его убили.

И, с блаженством вытянувшись, добавляет:

— Хорошо здесь, на земле...
Снова продолжительное молчание. Джельсомина мурлычет старинную мелодию, потягивается, прикрывает глаза.
Джельсомина. Я хотела убежать... А он мне сказал, чтобы я осталась с вами.

Слегка поеживается... Приоткрывает на мгновение глаза; говорит лениво:

— Надо бы подбросить дров. Огонь гаснет.

И, снова глубоко вздохнув, закрывает глаза.
Дзампано молча смотрит на нее. Теперь, когда Джельсомина молчит и кажется уснувшей, кругом не слышно ни звука...
Дзампано очень встревожен. Закуривает сигарету. Как бы следуя за своими тревожными и мрачными мыслями, он делает несколько торопливых затяжек...

Затем, когда, очевидно, в голове у него определилась какая-то мысль, он поворачивается к Джельсоmine, но на этот раз уже с суровым и непреклонным выражением лица...

Кажется, что Джельсомина спит безмятежным сном. Еще несколько мгновений Дзампано вглядывается в нее. Потом, глотая табачный дым, снова смотрит в пространство. Наконец решительно направляется к фургону.

Точными и быстрыми движениями достает оттуда лохмотья Джельсомины, ее одеяло, трубу. Связывает все это в узелок и кладет у стены часовни, в нескольких шагах от нее. В узелок сует деньги.

Почти машинально осматривается, словно желая убедиться, что все в порядке.

Подбрасывает немного дров в костер, в последний раз смотрит на Джельсомину. Направляется к мотоциклу, выключает тормоз, толкает машину под уклон, вскакивает в седло и тихо, с выключенным мотором, отъезжает.

Быстро удаляется от разваливающейся часовенки... И только доехав почти до середины спуска, включает мотор... Набирает скорость и быстро мчится по дороге.

14

Несколько лет спустя... Песня Джельсомины.
Дзампано узнает, что Джельсомина умерла. Дзампано напивается. Одиночество и слезы Дзампано.

Жаркий летний день. Далеко за полдень.
Старый многоместный открытый автомобиль с артистами небольшого бродячего цирка, закончив рекламный объезд улиц городка, возвращается туда, где обосновался цирк.

В помятой машине девушка-брюнетка в короткой юбочке; карлик-клоун с аляповато загримированным лицом; акробат в трико. Клоун кричит в микрофон:

— Все в цирк!.. Все в цирк!.. Сегодня вечером большое представление... Всего пятьдесят лир! Смеяться будете до упаду... Все в цирк!

Машина подъезжает к пустырю, где лагерем расположился цирк. От прибрежной морской полосы пустырь отделяет бесконечная лента унылой дороги. Машина останавливается между фургонами и шатром цирка. Артисты выходят из машины и не спеша направляются к фургонам. На встречу приехавшим со ступенек одного из фургонов сходит грузный, высокий человек. Это Дзампано. Он заметно постарел.

Медленно идет он, не вынимая рук из карманов. Проходя мимо девушки в короткой юбочке, шлепает ее по заду.

Девушка старается увернуться. Она хоть и хихикает, но шлепок явно не доставляет ей удовольствия.

Накрашенная женщина, уже немолодая, грузная, выйдя на приступки фургона, кричит ему вдогонку:

— Ты куда?

Не отвечая, Дзампано медленно уходит. Выйдя на дорогу, останавливается рядом с трехколесной повозкой мороженщика. Заказывает:

— На тридцать лир. Шоколадного и орехового.

Продавец запускает руку в банки с мороженым, наполняет трубочку и подает. Дзампано следит за этой процедурой с напряженным вниманием. Указывает пальцем на банку и добавляет:

— Еще кофейного.

Расплачивается. Берет мороженое... Отходит, кусая его, будто хлеб... Медленно бредет по дороге... Со спины кажется, что он стал еще тучнее, еще больше ссутулился.

С мороженым покончено в несколько минут. Остается дожевать вафли... Дзампано выглядит довольным... Осматривается вокруг, утирая вспотевшее лицо.

Вдруг с берега, из-за ничем не приметных барачков, доносится пение женщины...

Звучит старинная мелодия.

Сначала Дзампано не придает этому значения. Он важно шествует по улице, закуривая сигаретку. Наконец до его сознания доходит, что это за мотив. Он прислушивается, еще неуверенный, но уже странно взволнованный...

Это та самая старинная мелодия, которую играла Джельсомина. Дзампано останавливается. Слушает. Круто поворачивается в ту сторону, откуда доносится пение. Но голоса женщины больше не слышно.

Пение смолкло.

Дзампано колеблется... Он еще не совсем уверен... не знает, хорошо

ли слышал... Но им овладевает страшное беспокойство, почти настоящее смятение...

И в это время снова доносится пение...

Поет все тот же женский голос. Дзампано поспешно делает несколько шагов к хижинам. Останавливается... и, словно устыдившись своего волнения, дальше уже идет с напускным спокойствием. Приближается к лачугам, проходит мимо них.

...А женский голос продолжает все ту же песню. Дзампано останавливается, глазами отыскивает, кто же поет. ...Женщина средних лет — сразу видно, что это не Джельсомина — развешивает белье перед одним из домишек. Не замечая Дзампано, она продолжает петь. Возле играют несколько полуголых ребятишек. Повесив белье и перестав петь, она намеревается войти в дом. И лишь теперь замечает Дзампано, который стоит и пристально разглядывает ее.

Увидев, что женщина его заметила, Дзампано переводит взгляд на море. Женщина проходит мимо. Дзампано поворачивается к ней и отрывисто, резким тоном спрашивает:

— Скажите-ка...

Женщина останавливается. Необычно взволнованный Дзампано молчит. Потом спрашивает в упор:

— Где вы научились петь эту песню?

Женщина несколько озадачена.

Женщина. Какую песню?..

Дзампано. Которую только что пели. Где вы ее слышали?

Женщина улыбается... Ей не сразу удается преодолеть свое замешательство...

Женщина. А-а... Эту? (Напевает мотив песни.) Ее играла одна девушка, которая когда-то здесь жила...

Изменившимся голосом, безуспешно пытаясь овладеть собой, Дзампано спрашивает:

— Когда она жила здесь?

Женщина. Три или четыре года назад. Она играла на трубе всегда только эту песню... Я ее и запомнила.

Несколько мгновений Дзампано молчит; женщина с любопытством оглядывает его. Затем он с усилием спрашивает:

— А больше она сюда не возвращалась?

Женщина. Она умерла.

Оба молчат. Дзампано медленно опускает глаза на сигарету, которую держит в пальцах. Женщина почти без всякого перехода продолжает:

— А-а, да вы ведь из цирка. Она тоже была, как и вы, бродячая артистка... Может быть, вы с ней были знакомы... Здесь никто о ней ни-

чего не знал... Она почти ничего не говорила... (Показывает на лоб.) Была немного... Такая маленькая...

И женщина выжидающе смотрит на Дзампано. Дзампано молчит, не отрывая глаз от кончика сигареты. Женщина продолжает:

— Мой муж нашел ее как-то вечером внизу... Больную, в лихорадке... Мы ее взяли в дом, но она не хотела ничего рассказать... Плакала, ничего не ела... Когда ей становилось лучше, она усаживалась на лавочке перед домом на солнышке... Играла на трубе... Говорила слова благодарности... А однажды утром так больше и не проснулась... Этим занимался мэр, он писал куда-то... а что дальше было — не знаю.

Дзампано пристально разглядывает деревянную скамейку, на которой грелась на солнышке Джельсомина. По-видимому, он даже не заметил, что женщина умолкла.

Потом он поднимает на нее глаза. Женщина, несколько озадаченная, смотрит на него. Добавляет:

— Если хотите пройти к мэру...

Дзампано вздрагивает. Поднимает в знак прощания два пальца.

Дзампано. Прощайте...

И, круто повернувшись, медленно уходит. Сбежавшиеся ребятишки, с любопытством наблюдавшие за незнакомцем не без опаски прячась за деревянными заборами, идут теперь за ним следом, возбужденно смеясь. Окликают его...

Дети. Синьор!.. Синьор!..

Дзампано не слышит их... Он медленно, тяжело ступая, удаляется.

Вечер...

На арене небольшого цирка, похожего на тот, который мы уже однажды видели, исполняется один из типичных номеров подобной же программы. На скамьях — городской люд, увлеченный представлением.

Номер заканчивается под аплодисменты и хриплые звуки заигранной пластинки.

Внезапно музыку в репродукторе прерывает мужской голос.

Голос из репродуктора. А сейчас выступит Дзампано — «Стальные легкие»...

Музыка возобновляется примерно с того такта, на котором ее прервали.

На арену выходит Дзампано.

Он в своем костюме для выступлений — в коротких штанах, в резиновых сапогах. На руках кожаные напульсники; его торс обнажен.

Все тем же неизменным жестом фокусника он приподнимает над головой свою цепь. В этой позе делает по арене полукруг; музыка смолкает,

и он начинает медленно, еще менее выразительно, чем раньше, свою вступительную речь:

— Кусок цепи, крючок размером в восемь миллиметров — все это закаленное железо, почти что сталь!... Скрепляю цепь на груди. Силой мышц живота и расширения грудной клетки разрываю крючок... Может быть, среди вас найдутся люди, которые подумают, что этот крючок, наверное, треснутый или подпиленный. Минуточку, проверим крючок...

Передает крючок карлику. Тот обходит публику, как прежде делала Джельсомина.

— Пожалуйста, синьоры, пожалуйста... Проверьте крючок, прошу вас!..

Карлик подходит к Дзампано и начинает обматывать его цепью, как когда-то делала Джельсомина, а Дзампано тем временем продолжает:

— Я не говорю вам, что для разрыва крючка требуются две пары волов... Нет, синьоры. Но и необразованный человек, даже и тот поймет, что для этого необходимо обладать тремя качествами: большой силой, крепкими ребрами и здоровыми легкими... Достаточно одного неверного движения, чтобы потерять ребро...

Растянувшись на опилках, под аккомпанемент стремительной музыки, несущейся из репродуктора, Дзампано напрягает все свои силы.

Крючок ломается, Дзампано с трудом встает на ноги. Обливаясь потом, он тяжело дышит.

Поднимает вверх руку, показывая разорванную цепь. Публика аплодирует. Дзампано кланяется и уходит. Навстречу ему с криком и визгом бегут на арену два клоуна.

За столиком в деревенском трактире одиноко сидит Дзампано. Перед ним уже стоит несколько опорожненных бокалов. Трактир набит до отказа. Кругом шум, гвалт.

Потухшим взором обводит Дзампано помещение. Изо всех сил стучит по столику, потом медленно, тяжело поднимается. Пошатываясь, делает наугад несколько шагов между стульями. Останавливается перед столиком, за которым рослый мужчина выпивает со своими друзьями. Пристально, ни слова не говоря, смотрит на него. Потом, встав в позицию для бокса, подносит кулак к лицу незнакомца.

Оскорбленный посетитель и его приятели озадаченно смотрят на Дзампано. Затем раздаются грубые окрики.

Голоса. Чего привязался?..

— Проваливай!..

— Убирайся!..

Сидящая за столиком компания поднимается и отталкивает Дзампано. Он не сопротивляется... Пошатываясь, бредет по трактиру... Вдруг снова

повторяет свой вызывающий жест, на этот раз в еще более угрожающей форме, но уже по адресу другого посетителя. И тот с помощью своих приятелей начинает выталкивать его.

Голоса. Хватит!..

— Убирайся!..

— Вышвырните его!..

— Вон отсюда!..

Но на сей раз Дзампано не так пассивен. Он ухватил своего противника за грудки и сильно бьет его кулаком. Тот пытается увернуться от ударов, но это удается ему лишь частично. Двое или трое мужчин вскакивают на ноги, хватают Дзампано и под усиливающийся шум толкают к выходу. Дзампано отбивается, но против него ополчается все больше и больше народу... Его бьют... Под громкие крики, под шум опрокидываемых стульев и звон разбитых бокалов его выталкивают за дверь...

Дзампано сопротивляется, хватается за столы, стулья и со звериной силой, присущей пьяному, направо и налево раздает пинки. Без всякой пощады и на него также сыплются удары.

В конце концов противникам Дзампано удается выбросить его на дорогу.

Из трактира на дорогу вылетает Дзампано. За его спиной захлопывается дверь. Но со слепой яростью и пьяным упорством Дзампано снова с ревом бросается на дверь, отбивая об нее свои кулаки... И вдруг сникает. Делает несколько шагов по безлюдной и полутемной дороге. Покачиваясь, останавливается. Достает платок. Вытирает кровь с лица и снова бредет, пошатываясь. Его лицо выражает тупое, мрачное отчаяние и бессильную злобу.

Остановившись перед деревом, он неистово колотит по нему. Выходит на дорогу... останавливается... Издает страшный, нечеловеческий вопль... Молчит... Потом снова слышится его вопль... Идет дальше, направляясь к морю.

Ночь... Песчаная коса, уходящая в море...

Пошатываясь, Дзампано идет по безлюдному, неосвещенному пляжу.

В башмаках и штанах он входит в море и останавливается, лишь когда вода доходит ему почти до самых икр. Наклоняется, черпает полные пригоршни воды и, пыхтя и задыхаясь, как дикий бык, плещет себе на лицо. Возвращается на берег... С его лица стекают капли воды...

Опускается на песок.

Все так же тяжело дыша, медленно утирает лицо рукавом и полой пиджака. Не двигаясь, пристально смотрит в темноту...

Вокруг глубокая тишина. Слышен лишь глухой шум морского прибоя. Постепенно Дзампано начинает дышать ровнее. Пьяное возбуждение сменяется тупым, гнетущим спокойствием.

Он медленно осматривается. Вокруг густой мрак... Видно только белое кружево морского прибоя.

Дзампано почти не дышит. Теперь он понимает, что означал этот неясный, леденящий душу страх, который терзал его целый день.

Он медленно поднимает глаза к небу... Безлунная ночь. Небо усеяно звездами.

Словно испуганное животное, впервые увидевшее звезды, Дзампано долго смотрит на небо... Переводит взгляд на море... и впервые из его груди вырывается рыдание, сдержать которое он не может...

Дзампано плачет...

